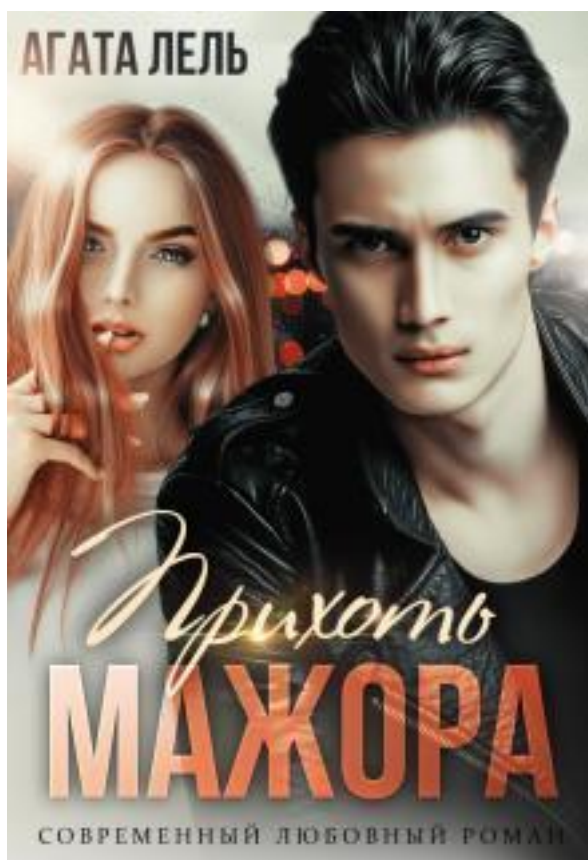

АГАТА ЛЕЛЬ

Прихоть
МАЖОРА

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Агата Лель

Прихоть мажора

«Литнет»

2022

Лель А.

Прихоть мажора / А. Лель — «Литнет», 2022

РОМАН ИЗДАН В «ЭКСМО» Он ездит на «Лексусе», планирует поступать в Гарвард и выглядит как бог. А ещё он не верит в любовь и не слышал слова «нет». Никогда. До тех пор, пока она, вчерашняя школьница, обычная дочь домработницы, посмела ему отказать. А он решил во что бы то ни стало сделать её своим трофеем...#циничный, надменный и крайне наглый герой #сильные чувства и эмоции #волнующий сюжет #герой добивается героиню

© Лель А., 2022

© Литнет, 2022

Содержание

Часть 1	5
Часть 2	10
Часть 3	13
Часть 4	17
Часть 5	21
Часть 6	24
Часть 7	27
Часть 8	31
Часть 9	34
Часть 10	38
Часть 11	41
Часть 12	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Часть 1

– Аглая, иди сюда, помоги мне.

– Сейчас, минуточку, – отозвалась я, даже не обернувшись на голос матери. Вместо этого крепче вцепилась в подоконник, напрягая и так донельзя сконцентрированное на единственном объекте зрение.

Машина Артура.

Черный как крыло ворона автомобиль едва заметно покачивался, выдавая с головой, чем же занимаются те, кто находится внутри.

Конечно, можно было бы предположить, что он и его новая пассия – длинноногая рыжеволосая нимфа – решили помериться силой и раскачать машину просто так, но верилось в подобное с трудом. Даже до дома не дотерпели...

Я перевела взгляд на темное окно особняка напротив. Второй этаж, угловая комната. Его комната. Сколько раз я пробиралась туда, чтобы просто окунуться в его мир – не счесть. А потом уходила, заматывая за собой следы, потому что дочери прислуги нечего делать в спальне сына хозяина.

– Аглая! – мягкий голос мамы звенел от нетерпения.

– Да, сейчас.

Я задернула занавеску и, стараясь скрыть понурый вид, вышла из своей крошечной комнаты.

Мама сидела в большом мягком кресле, подшивая подол белоснежного тюля из органзы, и, увидев меня, застыла с иголкой в руках.

– Что случилось?

– А что случилось?

– У тебя глаза красные. Почему?

– Так первый час ночи, мам, – я вымученно улыбнулась. – Спать давно пора.

– Именно, пора, а тебя не дозовешься. Помоги повесить, – мама поднялась с кресла и встряхнула ткань, расправляя складки. – Смотри, какую красоту нам Инна Алексеевна отдала. Правда, длинноваты были, пришлось подшивать.

– А чего вручную? Машинка же есть.

– Так игла сломалась. Завтра поеду в город, куплю все необходимое, список уже составила. Табурет возьми. Да не этот, этот качается. Другой бери.

Я машинально взяла второй стул и поставила к окну, машинально взяла из рук мамы тюль и так же, не думая, что делаю, принялась цеплять крючки в кольца.

Увиденная во дворе картина продолжала стоять перед глазами. Вот зачем смотрела, глупая, первый раз такое, что ли? Знала же, что будет неприятно, знала... и все равно смотрела.

Каждый день наблюдаю за ним: как он выходит утром из дома – подтянутый и гладко выбритый, как садится в свою супернавороченную машину, направляясь в универ. Как приезжает потом: иногда когда заканчиваются занятия – в четыре часа дня, но чаще много позже. За полночь. Порой не один. Бросает машину прямо во дворе, не затрудняясь загнать в гараж, уводит свою подружку в нутро спящего дома. А примерно через час к воротам подъезжает такси...

Он никогда не оставляет своих девушек на ночь, всегда отправляет домой, и я была рада такому раскладу.

Значит, у них ничего серьезного.

Значит же?

Хотя какая разница, что там у него за отношения, мне все равно ничего с ним не светит. Потому что я – дочь прислуги, живущая в гостевом доме на территории их огромного участка, потому что он – сын обеспеченного человека. Он даже не замечает меня, хотя я сама стараюсь

не так часто попадаться ему на глаза. Кажется, что если он решит вдруг посмотреть на меня внимательнее, то обязательно все поймет. Увидит, что я глубоко и отчаянно безответно влюблена в него с тринадцати лет.

Сначала казалось – глупости, пройдет. Просто он вот такой – красивый, холеный, флегматичный и ужасно загадочный. Словно граф Дракула в современных реалиях. Через юношескую влюбленность "не в того" проходят все, только вот я лелею свои глубоко спрятанные чувства уже пять лет.

Я могу безошибочно рассказать все его привычки: что любит на завтрак, какую фирму одежды предпочитает, какую музыку слушает и даже каких выбирает девушек. Таких же красивых и слепаще-ярких, как он сам. Он не меняет их ежедневно, но и явно не из тех, кто отдает свое сердце один раз и на всю жизнь одной.

С рыжеволосой они вместе уже около месяца. По крайней мере, если судить по первому ее визиту сюда. Не исключено, что больше я ее здесь никогда не увижу – все они рано или поздно исчезают, но их место обязательно занимает кто-то еще.

– Красота! – восторженный голос мамы выдернул меня из невеселых мыслей. Только сейчас я заметила, что крючки закончились, тюль белым нежным покрывалом окутал наше окно. – Дай бог здоровья Инне Алексеевне, сколько она для нас делает. Очень хорошая женщина, правда?

Я не разделяла восторг мамы так сильно, потому что знала, что у матери Артура была причина относиться к нам если не с любовью, то довольно тепло. Мой папа больше двадцати лет работал на старшего Вишневого, был его личным телохранителем и несколько лет назад трагически погиб. Его застрелили, потому что он прикрыл собой Альберта Владленовича.

С его уходом мы резко лишились основных средств к существованию, здоровье мамы на фоне стресса сильно подкосилось, ей пришлось оставить работу повара в столовой, стало не на что снимать квартиру. Альберт Владленович предложил маме работать у них на кухне и разрешил жить в гостевом доме столько, сколько потребуется.

И вот мы здесь уже пять лет.

Никогда не забуду, как мы перебрались сюда – из обычной двухкомнатной хрущевки в поистине сказочное место: ухоженные аллеи, фонтан у дома, личный водитель. Раньше я слышала от отца, как шикарно живут Вишневские, но чтобы настолько...

– А чему ты удивляешься, их семья вот уже около тридцати занимается земельным бизнесом. Тысячи гектаров земли, Аглая, страшно представить, сколько это, – делился мой немногословный отец...

Наверное, именно смена обстановки помогла мне пережить тогда утрату, а еще... Он.

Я увидела его спустя несколько дней своего здесь пребывания. Это были весенние каникулы, я стеснялась и долго не выбиралась из дома, а когда вышла – увидела Артура. Он стоял, прислонившись спиной к стене нашего дома, и копался в телефоне.

Я не ожидала его увидеть и сильно смутилась, а на его лице не отразилось даже удивления.

– Ты кто? – спросил он вместо "привет". Не заносчиво, не заинтересованно, скорее, чтобы просто получить информацию.

– Аглая, – пробурчала я, не зная, куда себя деть. Очень уж парень показался... не таким. Не таким, каких я видела в своей школе или возвращаясь домой на маршрутке. Он был другим. Это читалось по всему: по уверенному взгляду, по модной прическе и красивой одежде.

Дорогой. Вот такая тогда у меня возникла ассоциация. Взрослый и очень красивый.

– Веснушка.#####

– Что? – я ощутила, как вспыхнула.

– Веснушек у тебя много, говорю, – и отвел от меня безразличный взгляд. – Ты и есть та самая дочка кухарки, что ли?

– Да. Николай Игнатов – мой папа, – ответила я, ощутив, как в горле начал скапливаться соленый ком. – Он умер.

– Я в курсе, – по-прежнему ровно проронил он и флегматично засунул мобильный телефон в карман. – Плохо.

– Мы теперь будем жить здесь. Не знаю, как долго, пока не накопим на квартиру. Если честно, понятия не имею, сколько она стоит, но мама сказала, что очень дорого.

Слова лились из меня единым потоком, мне ужасно хотелось поговорить с ним, может, даже обрести в его лице друга. Хотя невозможно даже было представить, чтобы такой, как он, вдруг начал дружить с такой, как я. Он и не начал: отлипнув от стены, засунул руки в карманы черных джинсов и одарил меня очередным флегматичным взглядом.

– Ну живите, – и ушел, даже не обернувшись.

Ему тогда было восемнадцать, и между нами зияла огромная пропасть. Он уже был взрослым, я же – наивным подростком. Однако это не помешало мне сразу в него влюбиться. Чистой, открытой, абсолютно беззаветной любовью.

Мне было все равно, что он сын обеспеченного человека, наоборот, я жалела, что это так. Ведь будь он сыном охранника или дворника, он не был бы от меня так недосыгаемо далек... А так я была для него просто дочерью кухарки.

И за пять лет ничего не изменилось.

Я выросла, оформилась, вместо плоской девчонки на меня из зеркала смотрела молодая и, к слову, совсем не уродливая девушка, но Артуру по-прежнему не было до меня никакого дела. Он меня попросту не замечал, да и когда замечать, если у нас практически не было повода пересечься? Его жизнь буквально кипела: учеба в модном университете, английский, профессиональные занятия плаванием, бизнес-курсы – и все это приправлено бурной личной жизнью.

Конечно, я не могла знать наверняка, где он проводит свои вечера и ночи, но судя по снимкам его друзей, где он был непременно отмечен, развлекалась золотая молодежь на всю катушку. Дорогие автомобили, модные заведения, красивые лица...

Его жизнь была похожа на сказку. Моя же – скучна и однообразна.

В элитном коттеджном поселке у меня не было, да и не могло быть друзей – дети политиков и бизнесменов предпочитали свой круг; одноклассникам, с которыми у меня сложились неплохие отношения, добираться до меня было далеко, а я же в свою очередь не имела возможности остаться в городе. Я не могла бросить маму, знала, что без моей помощи ей будет тяжело справляться на кухне Вишневских. Да и морально... после смерти отца она сконцентрировалась на мне.

Бросить ее – значит предать.

Я просто не могла с ней так поступить.

– Ну что, идем спать? – мама еще раз окинула довольным взглядом наряженное окно и широко зевнула. – Завтра рано утром на продуктовый рынок.

– Не знаю, чего ты туда таскаешься, можно же все заказать по интернету. Привезут прямо к порогу, свежее.

– Знаю я их "свежее". Лучше я сама – пройду по рядам, выберу. К тому же на своих двоих не добираться – Иракли отвезет, привезет. Сервис.

Иракли – водитель четы Вишневских, правда, ввиду того, что каждый в семье предпочитал ездить за рулем сам, а у Альберта Владленовича был персональный помощник, Иракли часто оставался не у дел. Поэтому можно сказать, он был нашим с мамой личным водителем. Частенько подбрасывал меня до школы, а маму по делам в город.

Скоро мне предстояло поступать в ВУЗ, и я уже выбрала специальность – психология, мама предложила снять в городе небольшую однокомнатную квартиру, чтобы не мотаться туда-сюда, но я понимала, что таким образом мы никогда не накопим на собственное жилье, и решила ездить.

– Когда Иракли отвезет, когда сама на электричке. Нормально.

Может, конечно, и не очень "нормально", но чувство долга не позволяло мне оставить маму одну, да еще прилично обдирать финансово.

Это с одной стороны, а с другой, эгоистичной, я осознавала, что перебраться в другое место было бы самым лучшим вариантом: наверняка жизнь в городе быстро меня увлечет, и я имею все шансы встретить кого-то, может, даже влюбиться. Но, вопреки логике, верилось в это с трудом. Первая любовь проросла во мне настолько прочно, что казалось, я уже никогда от нее не избавлюсь. А избавляться нужно, потому что вместе мы все равно никогда не будем. Иллюзий я никогда не строила, в розовых облаках не витала, прекрасно оценивала и свое, и его место.

Хватит отираться уже возле окон. Хватит! И тайные паломничества в его спальню пора прекращать, это уже похоже на сумасшествие! – убеждала я себя, но все равно каждую ночь дожидалась его возвращения и сильно расстраивалась, если он не приезжал...

Ох, дура.

– Ладно, пойду спать. Спокойной ночи, дочка, – мама поцеловала меня в висок и ушла в примыкающую к прихожей комнату.

Я почистила зубы, переоделась в пижаму и, бросив привычный взгляд в окно, дабы убедиться, что парочка покинула автомобиль, легла под одеяло. Правда, сон никак не шел. Никогда не шел, если я знала, что он там с кем-то...

А вдруг эта рыжая и есть "та самая"? Вдруг он решит жениться на ней, наделает кучу детишек? Хотя я ревниво думала так о каждой его новой подруге, но все они рано или поздно испарялись, что, конечно, не могло не радовать.

Неожиданно я услышала со стороны хозяйского дома какой-то шум, кажется, кто-то ругался. Путаясь в штанинах, я быстро вскочила с кровати и подошла к окну: именно в этот момент из дома вышла рыжая и, обняв плечи руками, быстро зашагала к воротам.

– Далеко собралась? – раздался голос Артура.

Он стоял в дверном проеме в одних джинсах, без футболки и босой. Фигуру освещал свет автоматического фонаря, поэтому рассмотреть его можно было без какого-либо труда.

– Уезжаю, – огрызнулась беглянка.

– Такси вызвать?

– Обойдусь, спасибо.

– Ну, как хочешь, – в привычной манере – то есть лениво – достал из кармана телефон, и спустя мгновение половину его лица осветил экран. – Вадим, открой ей. И это... машину вызови, одну не отпускай.

Ночь была очень тихая, и сквозь открытое окно было хорошо различимо каждое слово.

Интересно, что у них там произошло? Артур явно не из тех, кто распаляется на крики, в этом плане он скорее явный пассив. Я никогда не слышала от него повышенного тона, ему просто лень напрягать голосовые связки.

Девушка гордо дошла почти до самых ворот и, увидев, что те начали медленно разъезжаться в разные стороны, поникла. Наверное, она рассчитывала, что он кинется ее догонять, но, конечно, этого не произошло.

Я не знаю, что должно случиться, чтобы Артур Вишневский вдруг рванул удерживать кого-то.

Сама того не ожидая, я улыбнулась тому, насколько хорошо успела его узнать, даже практически не общаясь.

– Тебе совсем на меня наплевать, да? – гордячка сдалась. Лёгкий летний ветер трепал ее рыжие, совсем как у меня, пряди, в свете фонаря напоминающие языки пламени. – Если я сейчас уйду, то уйду совсем, понимаешь? Значит, между нами все!

– Ну, все так все, – спокойно отозвался он. Даже не пошевелился.

В спальне старших Вишневских в другом конце дома загорелся тусклый свет. Всех перебудили.

– Я знала, что ты вообще ни капли меня не любишь, но все равно рассчитывала на что-то, дура! Больше никогда в жизни... Не звони мне! – прокричала она и шагнула за ворота. Те сразу с тихим гудением сомкнулись за ее спиной.

Вот и все, эту вычеркиваем. Я знала, что больше никогда ее здесь не увижу.

Может, где-то в самой глубине души по-женски я ей сочувствовала, но эгоистка внутри меня ликовала.

Позиция собаки на сене? Возможно. Но это не я их разлучила.

Окно спальни наверху снова стало темным, я думала, что Артур сейчас тоже уйдет, но нет, он неожиданно медленно спустился со ступенек и, засунув ладони в карманы джинсов, поднял голову вверх, словно любуясь звездами.

Решение пришло молниеносно.

– Аглая, ты куда это? – раздался сонный голос мамы из ее комнаты.

– Свежим воздухом подышу. Сейчас вернусь. Спи.

Торопливо сунув ноги в шлепки, я вышла на улицу и, сходя с ума от опьяняющего адреналина, двинулась к хозяйскому дому.

Часть 2

Артур не сразу меня увидел, а заметив рыжее привидение в белой пижаме, прекратил созерцать красоту небес.

– А, это ты. Чего не спишь, Веснушка?

– Да вы тут такое шоу устроили, не до сна. Продолжение будет? Люблю сериалы.

Он криво усмехнулся и сел на порог.

– Сегодня была заключительная серия. Зе энд.

Подумав, я тоже села рядом с ним, засунув ладони между коленей.

Может, слишком нагло, но когда еще? В последний раз мы общались два месяца назад, когда он забрел на кухню, чтобы взять что-то из холодильника, а я в это время помогала маме готовить ужин. Тогда мы перекинулись парой ничего не значащих слов. Сейчас же я хотела получить чуть больше его внимания.

В конце лета он улетает в Кембридж и целых два года будет учиться на магистратуре в Гарвардском университете. Лига Плюща*. Высшая лига. Дорогая, элитная, манящая... и далекая от меня, как другая галактика.

Как и он сам.

– Поссорились? – я кивнула на закрытые ворота.

– Я ни с кем не ссорился.

– Кажется, она другого мнения.

– И в который раз наши с ней мнения разошлись.

Я понимала, что следующим своим вопросом могу сильно его разозлить, но не спросить не могла:

– Она кричала что-то о том, что ты ее не любишь. Это правда?

– Правда, – не разозлился. – Я никогда никого не любил.

– А почему?

– А зачем? И вообще, никакой любви не существует. Так, сказка для инфантилов.

– Цинично.

– Я циник. Ты не знала? – впервые за весь разговор он повернул ко мне голову и посмотрел. Сначала в глаза, потом лениво скользнул взглядом чуть ниже.

Я смутилась. И отругала себя за то, что не надела бюстгальтер.

– Ты всегда была рыжей? – не отводя взгляд, неожиданно спросил он.

– Всегда, – я обалдела. То есть он даже этого, выходит, не замечал? – Но я светлее была, недавно покрасилась в медный. Ну... – отчего-то смутилась. – Чтобы оттенок поярче сделать.

– И в кого ты такая? У отца твоего темная шевелюра... была. И мать блондинка.

– Не знаю. Может, в тетку – мамину сестру. Она ярко-рыжая. Тоже была.

– Умерла?

– Угу, – я замолчала, не зная, уместно ли это рассказывать не близкому к нашей семье человеку. Ведь момент, что тетя ушла из жизни, едва родив ребенка... слишком тяжелый и личный. И грустный, поэтому я решила все-таки не поднимать эту тему. – Наверное, в нее.

– Красиво, – протянул руку и потер между пальцев прядь моих волос. И эта его выходка...

Я вспыхнула, но не отодвинулась ни на сантиметр. Впрочем, радовалась я недолго, уже через мгновение он поднялся, словно ничего не бывало.

– Ладно, иди спать. Детское время закончилось.

– Мне восемнадцать! – выпалила я гордо.

– Да ладно? Ты же в школу вроде бы недавно ходила.

– Уже закончила. С серебряной медалью.

– Умная, значит.

– Ну, не дура.

В темных глазах мелькнул проблеск интереса. Он не уходил, что явно свидетельствовало о том, что что-то его во мне зацепило. Он не из тех, кто будет тратить на кого-то свое время из вежливости. Артур и наигранная вежливость – вообще понятия разнополярные.

Я хотела спросить у него еще о многом, вопросы копились во мне годами, и сейчас было как никогда подходящее время задать если не все, то многие, но наш хрупкий контакт прервал голос мамы:

– Аглая! Ты почему не спишь?

– Иду, мам. Я сейчас.

Артур усмехнулся.

– Иди уже, – кивнул на наш дом и добавил с присущей ему долей иронии: – Взрослая.

Стоит ли говорить, что до утра я так и не уснула. Все прокручивала в голове наш диалог, разбирала каждое брошенное им слово на молекулы.

Я знала, что если бы не мама, мы бы поговорили еще. Чувствовала! И испытывала небывалый душевный подъем, горы свернуть хотелось.

Жаль, что мы видимся так редко, если бы хотя бы чуточку чаще... Но как это устроить? Он же не сидит сутками дома, скорее, дома его вообще практически не бывает, а других мест для того, чтобы пересечься, у нас нет и быть не может. Я даже плавать не умею, чтобы можно было записаться в тот же бассейн.

Или...

Меня неожиданно осенило. Ночной клуб, конечно! Самая частая локация, где его отмечали – "Райская пыль". Кажется, он ходит туда с друзьями каждую субботу.

Сегодня суббота...

Я быстро набрала в интернете нужное название и просто обалдела, когда увидела цены. Посетить такое место я смогу дай бог единожды за остаток лета, и то – придется потратить всю заначку.

А что мне надеть? У меня же совсем нет ничего приличного!

Да и вообще, вот увидит он меня там – и?.. И что?! Вряд ли сразу кинется обниматься и представлять своим друзьям. Кто угодно, но точно не Артур, исключено.

Уже практически опустив руки и попрощавшись с затеей устроить набег на клуб, я увидела внизу объявление, что им требуется официантка.

Над головой, как в старых диснеевских мультфильмах, вспыхнула воображаемая лампочка. Впрочем, тут же потухла.

Ну нет, мама мне в жизни не разрешит устроиться в такое "злачное" место. Да и кто вообще сказал, что меня туда возьмут? Мне только-только исполнилось восемнадцать, за плечами ноль хоть какого-то опыта работы. Но желание хотя бы попробовать никак не давало мне покоя.

Под лежащий камень вода не течет! Лучше сделать и жалеть...

Ну не съедят же они меня там за попытку?

Сочинив легенду для мамы, что у одноклассницы день рождения, под клятвенные уверения, что все пройдет хорошо, я взяла из тумбочки паспорт, зачем-то аттестат и свою медаль и на электричке добралась до города.

Найти нужный клуб не составило большого труда, а вот решиться туда войти получилось не сразу.

Я осознавала безумство своей затеи, еще больше смущал повод... Из-за парня? Даже из-за такого, как Артур? Это ужасно! Барышни тургеневских времен закидали бы меня своими опалами. Но мы не в восемнадцатом веке, да и работа мне на самом деле не помешала бы.

А вдруг он догадается? Ну, почему я здесь...

Хотя вряд ли моя персона заинтересовала его настолько, чтобы копать так глубоко. А я вот очень, просто до безумия хотела хоть на чуть-чуть окунуться в его мир. Посмотреть, как он ведет себя с друзьями, что там с ним отдыхают за девушки, конечно. Да и вообще, глянуть хотя бы одним глазком, как развлекается другая молодёжь.

И я решилась.

Внутри клуба было темно и прохладно, играла ненавязчивая тихая музыка. В этот час бар еще был практически пуст, стойку подпирали скучающие официантки.

– Привет, девчонки. У кого я могу узнать по поводу работы?

Высокая блондинка окинула меня внимательным взглядом:

– Официантка?

– Да.

– Поднимайся на второй этаж, там направо по коридору, третья дверь. Увидишь.

Я послушно поднялась по закрученной металлической лестнице наверх, с каждым шагом ощущая, как глухо бьется мое сердце. Было немного волнительно – что я вообще творю?! Я с ума сошла, не иначе! Но желание все-таки сделать этот шаг было сильнее.

Не зря же я сюда ехала. Я должна попробовать. Должна! Даже не ради него, ради себя самой. Выйти уже, наконец, из зоны комфорта.

Трижды постучав в третью дверь и не услышав приглашения войти, я, набравшись наглости, решила заглянуть сама:

– Простите, можно?

В большом кожаном кресле спиной ко мне сидел темноволосый мужчина с огромными волосатыми руками. Его предплечья были настолько мохнатыми, что я даже засомневалась, человек ли это вообще.

– Извините! Я войду?

Мужчина повернулся вместе с вращающимся креслом и вперил в меня до ужаса неприятные сальные глаза навывкате.

– Я вас внимательно.

– Я пришла устраиваться официанткой, видела в интернете объявление, – мой визави смотрел на меня абсолютно нечитаемым взглядом, что сразу понизило градус моей решимости. – Вам же... требуется?

– Ну, допустим.

– Мне нужна эта работа.

Он молчал, осматривая меня при этом с головы до ног. Осматривая долго и слишком уж пристально. Словно выбирая какую-то вещь, причем лично для себя.

Я уже подумала, что он понял, что я слишком молодая, начнет теперь дотошно интересоваться, где я работала раньше, и уже судорожно сочиняла правдоподобную легенду, как вдруг он неожиданно произнес:

– Ты мне подходишь.

**Лига Плюща – это объединение восьми самых престижных университетов США, которые отличаются исключительным качеством образования. Необычное название появилось благодаря растению, которое украшает старинные здания университетов.*

Часть 3

Я даже не сразу поверила своим ушам.

– Простите?

– Работа твоя. Приступать можешь уже сейчас, вечером как раз будет аншлаг. Найди в зале администратора, она тебе здесь все покажет и выдаст форму.

В горле пересохло. И от внезапности всего происходящего, и от радости, и от небольшого страха, куда я ввязалась.

– Уже сейчас приступать? То есть прям сегодня?

– Ну я же уже сказал, – повторил он и, откинувшись на спинку кресла, снова окинул меня изучающим взглядом из-под полуопущенных век. – Паспорт оставь пока для оформления. Потом ко мне за ним зайдешь.

Выходила из его кабинета я в полнейшем раздрае. Все получилось так быстро и легко, что даже немного выбило из колеи. Но в то же время вселило оптимизм, что так же просто получится и все остальное.

Только уже спустившись вниз, я подумала о том, что теперь скажу маме, она же думает, что я на дне рождения и приеду вечером. А какой теперь вечер, если они работают до последнего клиента!

Как рассказать ей о такой работе? Она же меня убьет! Я даже знала, что именно она скажет: "Тебе нужно готовиться к поступлению, а не рюмки разносить". И она будет абсолютно права! Но что сделано, то уже сделано, сдавать назад – проявить трусость. Поэтому я написала ей сообщение и обманула – впервые в жизни по-крупному, – сказав, что останусь ночевать у Лиды. А после отключила телефон, потому что знала, что она обязательно позвонит, а врать словесно я не смогу.

Этот разговор я решила отложить до дома.

– Где работала раньше? – спросила администратор Алла, провожая меня в подсобное помещение.

– Да так, в одном ресторане.

– А точнее?

– Секрет, – ляпнула я, надеясь, что шутка удалась, но Алла вдруг одобрительно поджала губы.

– "Секрет" хорошее заведение, я туда устроиться в свое время не смогла. Не взяли. Ну, раз там работала, значит, объяснять принцип тебе не нужно. Закреп за столом, клиентов не отбиваем, никакого флирта с посетителями и все в том же духе. Вот твоя форма, утюг там, – и пихнула мне руки сложенную одежду. – Как переоденешься, выходи в зал. Только побыстрее, ладно?

– Да вас там и так много, а зал почти пустой.

– Это пока пустой. Скоро здесь будет не протолкнуться.

Слова ее оказались пророческими.

Часа три я просто слонялась по заведению, осматривая, как и что, училась вбивать в электронный блокнот наименования и запоминала нумерацию столов. Не слишком-то и сложно, я даже вполне достойно обслужила один стол, правда, заказали там всего один кофе. А вот потом... Потом народ посыпался как из рога изобилия. Как прорвало. Бар, как и танцпол, наполнялся с невероятной скоростью. Я прокололась со вторым же заказом, принеся совсем не то, благо парни пришли уже хорошо навеселе и ничего не заметили. Даже оставили тысячу рублей чаевых. Тысячу! Я обалдела.

Изобилие лиц, разномастный аромат парфюма, громкий смех, музыка и вспышки камер мобильных телефонов.

Ближе к одиннадцати вечера у меня жутко разболелась голова, я путалась в буквах, столах и даже залах, забредя несколько раз в соседний. А вопрос "чем заправлен салат Цезарь" совсем выбил меня из колеи, к счастью, я вовремя вспомнила, чем заправляет такой салат мама, и наобум выпалила "вустерский соус". Мне повезло, я угадала. На этом везение закончилось, и я снова прокололась уже на следующем столе, вбив в блокнот свинину вместо говядины, а парень оказался мусульманином...

Я так устала, наслушалась столько "приятностей" в свой адрес, что уже проклинала себя за "гениальную" идею внедриться сюда. К тому же время близилось к полуночи, а Артура все не было.

Да что же я за дурочка-то такая! С чего я вообще взяла, что он придет? С чего решила, что он ходит сюда каждую субботу? Ориентируясь только на снимки его друзей в соцсети?

Я совсем помешалась на нем, это ненормально!

Я каждый раз говорила это себе: когда подсматривала в окно, когда пробиралась в его комнату. Все понимала, но противиться чувствам не могла. Они были сильнее разума.

Наверное, меня проклинали самым проклятым проклятием, наслав невзаимную любовь. Осталось найти, кому же я настолько помешала.

Может, какая-нибудь моя прабабка была ведьмой, и это карма? Не зря я рыжая...

Надо найти семейный альбом.

– На тебя сегодня уже две жалобы поступило, – поделилась Алла. Она явно была не в духе. – Такое ощущение, что ты первый день поднос в руках держишь. Нодар недоволен.

– Кто такой Нодар? Тот иудей с кошерной пищей? Или какой там – халяльной?

– Нодар – это наш босс.

– А-а... Прости, никак не войду в колею.

– Еще одна жалоба – и не придется входить.

Тем самым она открыто дала понять, что моя работа в "Пыли" висит на тоненьком волоске.

Признаться, в какой-то момент я уже хотела натворить что-то специально, чтобы меня наконец уволили, и я вырвалась из этого шумного гламурного ада. Хотела – ровно до той секунды, пока не увидела, как в переполненный зал вошел Он...

В первую секунду мне показалось, что это иллюзия, принятая за действительность – после такой кутерьмы неудивительно. Но нет, это был на самом деле он, Артур. Рядом я увидела его друзей – Натан и, кажется, Барс, по крайней мере, так они были подписаны на фото. Еще с ними были две девушки, конечно, эффектные и яркие, других в окружении Вишневого просто не водилось.

Если до этого я просто изнемогала от усталости, то теперь ощутила прилив ложных сил. Адреналин покалывал кончики пальцев, приток крови пощипывал щеки.

Я знала, что столы раздает администратор, не понимала, по какому принципу, но здесь я просто не могла полагаться на волю судьбы и настроение Аллы, поэтому схватила блокнот и первой рванула к столу, который заняла вновь прибывшая компания.

– Что-то выбрали? – выпалила я, не сводя глаз с Артура.

Тот вальяжно сидел, в прямом смысле развалившись на диване, сосредоточенно копаясь в телефоне. Даже глаз не поднял.

– Мы только пришли. Позовем, – недовольно прогнусавила высокая брюнетка, тряхнув вытянутыми до зеркального блеска волосами.

Я отошла в сторону, не выпуская из зоны видимости Вишневого. Ни черта он не был другим вне дома, точно такой же: надменный и холеный парень "с иголки".

Я вдруг подумала о том, что он вообще здесь делает, видно же, что ему до смерти тут скучно. Как сел, выбрав удобную позу, так и не пошевелился те десять минут, что я наблюдала за ним, ожидая. Одна рука вытянута вдоль спинки кресла, в другой айфон.

Несмотря на слегка заносчивый вид, он был... идеален, конечно. Все как обычно. Если уж и любить кого-то, то только такого, как он. Тогда, пять лет назад, у меня просто не было ни единого шанса не влипнуть.

– Иди, чего застыла, – подтолкнула меня одна из девочек-официанток, имени которой я не запомнила. Оказалось, меня уже довольно долго пыталась дозваться брюнетка, пока я стояла и гипнотизировала Артура.

– Что-то выбрали? – снова повторила я на автомате, по-прежнему смотря на Вишневого, который опять и бровью не повел.

– Само собой, уже выбрали. Два "Беллини", брускетта с розовой сальсой, щека тунца блюфин на гриле и чивас.

Я кивала, машинально тыкая на картинки блюд на экране планшета.

Почему он даже не посмотрит? Ответ прост – зачем ему смотреть на какую-то там официантку?

Тупо! Тупо! Тупо!

Не нужно было сюда приходить. Вся затея от и до была глупой! Когда я уже, наконец, повзрослею!

– Ты меня слышишь вообще, эй? – вернул меня в реальность недовольный тон брюнетки.

– Или я с пустотой говорю?

Я перевела на девицу нахмуренный взгляд. Только скандала мне в первый рабочий день не хватало. Впрочем, в первый и последний, какая теперь разница.

– Я все слышу. Два "Беллини", щека тунца блюфин, брускетта с розовой сальсой, чивас и "Блэк Ангус".

– Какой еще блэк ангус? Я не заказывала этого. Овца криворукая!

– Ксю, остынь, – лениво пресек ее блондин, тот самый Натан с фото из инсты. – Хорош рычать уже.

– Но она реально тупая! Понаберут быдло в приличное заведение.

Ну, знаете ли...

Да, я никогда не жила в роскоши, и тряпок у меня таких нет и не будет, но чтобы обращаться со мной ТАК...

– Может, вы пельмени закажете? Наши фирменные.

– Не поняла...

– Судя по вашим губам, вы их любите.

Натан громко заржал, прыснув на стол напитком. Не прекращая угорать, вытер рот рукавом. Артур тоже криво улыбнулся и только сейчас соизволил оторваться от телефона и поднять на меня ленивый взгляд. Прищурился. И только потом в его глазах блеснуло узнавание.

– Я не поняла, ты совсем берега попутала, овца? – вспыхнула, судя по всему, Ксения. – Я сейчас хозяину вашему наберу, он тебя нагнет, мало не покажется. Полы тут вылизывать будешь.

– Ксю, без обид, но свисток у тебя реал перебор.

– Урод! – она пихнула ржущего Натана локтем и полезла в клатч за айфоном. – Ща-ас, подожди, был у меня его номер.

Мне было все равно, что там щебечет эта нервная гусыня, я смотрела только на Вишневого.

– Телефон убери, – негромко, но уверенно произнес он, адресуя слова "Ксю", но глядя при этом на меня.

– С какого это фига? – завизжала брюнетка. – Она меня оскорбила!

– Сначала за своим языком научись следить. Убирай, – и перевел на нее не терпящий возражений взгляд.

Губастая помялась, поматерилась под нос, но телефон все-таки в сумку бросила.

– Неси заказ. И воду без газа туда доложи, – Вишневский кивнул на мой планшет и снова откинулся на спинку кресла. Оживил экран телефона. Как будто и не было вот этого всего. Хотя для него, может, и не произошло ничего сверх, но я же сделала для себя некие выводы.

Как он ее на место поставил? Не меня – ее!

На кухню я буквально летела, не потрудившись даже глупую улыбку с лица стереть. Было невыносимо, просто чертовски приятно. И вроде бы ситуация произошла так себе – меня оскорбили, но оскорбленной я себя больше не чувствовала. Ну что поделать, если у человека ума и такта нет? Своего же не дашь.

Набрав на поднос то, что можно было отнести прямо сейчас, а именно напитки, я, лавируя между людьми, в прямом смысле пробиралась обратно к столу. Мне было плевать, что я снова увижу ту хамку, все равно. Главное, что там Артур, и он на моей стороне, теперь я это знала.

В воздухе и до этого висело сизое марево от кальянов со второго этажа, но теперь дышать стало совсем невыносимо, даже слезы на глаза навернулись. А у меня тушь на ресницах, хороша же я буду!

Стараясь удержать поднос в одной руке, попыталась аккуратно поднять другую и убрать из уголков глаз влагу. Конечно, все содержимое подноса сразу же поехало набок и с грохотом рухнуло на пол. Я ожидала выволочки от администратора, смешков или издевательств со стороны посетителей, но точно не того, что произошло дальше...

Часть 4

– Это же газ! Дотропил! – прокричал кто-то, и началось такое... Шум, крики, суета. Все резко повскакали со своих мест и, прикрывая лица чем попало, ринулись к выходу.

Началась настоящая паника.

Я понятия не имела, что это за газ такой, но, видимо, именно из-за него так невозможно зачесалось в горле и заслезились глаза.

Это что? Какое-то нападение?

Хулиганство?

Террористы?

Что?!

Прижалась спиной к колонне и, приподняв подол рабочего фартука, вытерла залитое слезами лицо. На секунду зрение ко мне вернулось, и я увидела, как толкнули симпатичную девушку в черном платье, и та полетела навзничь на пол. А еще увидела высокого мужчину то ли в военной форме, то ли в форме омонвца, надвигающегося прямо на нее.* А после вырубили свет...

Стало по-настоящему страшно. Лишиться зрения в месте, где совсем не ориентируешься – это настоящая катастрофа. Кругом творилась настоящая вакханалия из нецензурной ругани, женских визгов и звуков падающей мебели.

Меня же здесь раздавят...

Я понятия не имела, как следует вести себя в таких случаях, но интуитивно почувствовала, что лучше пока стоять и не шевелиться, дышать через мокрую ткань фартука, на который так удачно разлился при падении заказанный Вишневым стакан воды.

Идти в гущу людей нельзя! Меня там точно покалечат! Давка – самое страшное оружие массового поражения.

Я читала про себя молитву, которую выучила еще в детстве. Слова путались в голове, и кажется, к слезам от газа присоединились слезы страха.

Вдруг я ощутила на своем плече чью-то ладонь и только собралась смахнуть, как услышала до боли знакомый голос:

– Веснушка.

Артур?..

Артур!

Вишевский!

– Да, да, это я! – я отбросила фартук и нашла в абсолютной темноте его руку. Вцепилась, как в спасительную соломинку. Хотя, по сути, он ею для меня и был. – Что здесь происходит?

– Пошли отсюда, – он крепче перехватил мою руку и потянул куда-то. Пару раз мне наступил кто-то на ногу и ощутимо врезался в бок, но все это было ничто по сравнению с тем, что я сейчас ощущала.

Он как-то меня отыскал. В практически полной темноте! Меня не раздавят!

– Куда мы идем? – перебивая шум, спросила я, но он ничего не ответил, довольно уверенно шагая куда-то вперед. Потом мы куда-то завернули, еще раз, я ощутила запах табака и совсем едва уловимый – дезинфицирующего средства.

Туалет. Ну конечно!

На мгновение Артур отпустил мою ладонь, и я моментально лишилась точки опоры.

– Артур! – я вытянула вперед руки, слепо шаря ими в темноте. – Артур! Где ты?

– Иди сюда. Умывайся.

Только теперь я услышала шум бьющей о кафель струи воды.

Я двинулась на звук и, снова ударившись многострадальным бедром, неуклюже наклонилась над раковиной. Набрала пригоршню холодной воды, как следует промыла глаза. Потом умылась еще раз, снова и снова... Попробовала открыть глаза, и – о, чудо! – сквозь щелки распухших и до сих пор почесывающихся век увидела очертания дверей кабинок, свет луны, пробивающийся в небольшое окно почти под потолком, и его – Артура. Не очень хорошо, конечно, только силуэт, но этого было достаточно, чтобы всю меня, до кончиков пальцев ног, затопило невероятным чувством благодарности.

Не выдержав порыва, я сделала шаг и обняла его, прильнув щекой к ткани черной рубашки.

– Я так испугалась, спасибо тебе. Я на самом деле думала, что меня там затопчут. Или убьют. Мне показалось, что я слышала что-то похожее на выстрелы.

– Это они и были.

– Seriously?! Настоящие выстрелы?!

– Серьезнее не бывает.

– Кошма-ар... И часто здесь подобное происходит?

– Оставим на потом это все, ладно? – бросил он немного раздраженно. – Знаешь, что за этим окном?

– Понятия не имею, я здесь сегодня впервые.

– В мужском туалете или вообще в клубе?

– А это мужской? О, Господи.

– Открыть сможешь?

– Что открыть?

– Окно, – терпеливо пояснил он, и я подняла взгляд вверх. Неуверенно дернула плечом.

– Можно попробовать.

– Тогда иди сюда, – он опустился на корточки и похлопал себя по плечу. – Забирайся.

Раньше я бы никогда, ни за что... Но сегодняшний день прямо-таки был днем открытий.

Сбросив балетки, я аккуратно поставила сначала одну ступню на его плечо, потом другую. Медленно разогнулась и тут же вцепилась пальцами в закрытую створку окна. Открыть его оказалось проще простого, обычный механизм. Помещение сразу же стало заполняться свежим воздухом. Если так, конечно, можно назвать воздух центра ночной столицы.

– Что там внизу? – спросил он, терпеливо выдерживая мой вес.

Я поднялась на цыпочки и высунула голову наружу – прямо под нами находился мусорный контейнер. К счастью, закрытый. Но всё равно...

– У меня плохие новости.

– И что там?

– Мусор.

– Твою мать... – сдержанно выругался он и, подумав секунду: – Ладно, спускайся.

Я осторожно слезла с его плеч и практически на ощупь нашла на полу свою обувь. Вишневский встал и, нахмутив брови, снова посмотрел на раскрытое окно.

– Через главный вход мы сейчас вряд ли нормально выйдем, к черному тоже не пробраться отсюда.

– И что же тогда делать?

Он перевел на меня взгляд, в котором, как мне показалось, блеснуло что-то похожее на азарт.

– Будем прыгать. Не боишься?

– Нет, – соврала я. Вернее, соврала наполовину: одна бы я ни за что, но с ним...

– Сейчас, тут стой, – он зачем-то пошел к выходу, совершенно сбив меня с толку.

Он что, уходит?

А я?

Что делать мне?!

Но он вернулся, удерживая в руках большой кожаный пуф. Приставил тот к стене, залез на него и, подтянувшись на руках... мгновенно скрылся за окном.

Выпрыгнул!

Я опешила.

Все-таки он меня тут бросил... Я шумно всхлипнула, едва сдерживая уже самые что ни на есть настоящие слезы.

Ну как же так? Даже слова не сказал... И куда мне теперь, как?..

– Полет нормальный, – раздалось за окном, потом послышался скрежет по асфальту, и вскоре в проеме появилась его рука. – Иди сюда.

Я еще раз шмыгнула и, вообще не понимая, что происходит, забралась на пуф. Признаться, плечи Артура были чуть выше, поэтому подтягиваться на руках сейчас было несколько проблематично. Но оставаться тут? Ни за что!

Собравшись с силами, я все-таки смогла забраться наверх и, как и парой минут ранее, высунула голову наружу: на крышке мусорного контейнера, как Элвис на главной сцене Манхеттена, стоял Артур. Такой же величественный и уверенный в себе.

– Не бойся, тут невысоко, – махнул рукой, поторапливая. – Давай, я тебя поймаю.

Я уверенно кивнула, больше себе, чем ему, и, подтянувшись еще немного, брошенным в окно скомканным фантиком полетела вниз.

Он успел поймать меня за секунду до моего позорного падения плашмя. Наверняка было бы больно. И стыдно. Но сейчас он держал меня за талию, и поэтому мне было вот абсолютно все равно на все происходящее вокруг.

М-да, когда я шла устраиваться в этот клуб, то и подумать не могла о подобном исходе.

Повторить снова? Пожалуй.

– Все нормально? – спросил он у меня, до обидного быстро убирая руки.

– Относительно.

Он кивнул, наверное, тоже больше самому себе, и спрыгнул с контейнера на землю. Молча протянул ладонь, помогая спуститься и мне.

Выдохнуть спокойно я смогла, только ощутив под подошвами твердую землю. Все происходящее казалось каким-то странным сном. Чтобы в моей размеренной жизни отличницы произошло что-то подобное? Побег из дома, устройство на работу, перестрелка, прыжок из окна, Артур...

Да наверняка сон, не иначе. И не смейте меня будить!

Неподалеку появился силуэт мужчины, который нес на руках, судя по голым стройным ногам, девушку... Подождите-ка, это же та самая девушка в черном из клуба. И тот омоновец. Выглядела она не слишком довольной: ругалась и даже молотила его по спине кулачками, но он продолжал молча тащить ее в неизвестном направлении.

Что происходит вообще? Похоже на то, как будто он ее... украл?

Но развить мысль дальше мне не дал голос Вишневого.

– Пойдем, моя машина на стоянке, – привычно спокойный, он отряхнул чистые колени и, опустив руки в карманы джинсов, зашагал за угол клуба.

Словно совершая променад на Елисейских полях. Словно вообще ничего не произошло.

В этом весь Вишневский. Отрешенность и хладнокровие, что бы вокруг ни происходило. Меня всегда это в нем восхищало. Не зря именно так его друзья и называли – Дзен.

– Из таких получаются отличные управленцы, – любила повторять мама, относясь с большим уважением ко всей их семье. – Парня ждет большое будущее.

Испытывая неловкость за свой неряшливый вид, я ускорила шаг и поравнялась с Вишневым.

– Что это вообще было? – решила внести ясность во всю происходящую этой ночью вакханалию.

– Какой-то урод пустил Дотропил.

– Что это – дотропил?

– Газ. Не смертельный, но неприятный.

– И часто здесь так развлекаются?

– Впервые столкнулся, но наслышан. Пускают, когда хотят навести шухер: кассу снять, например. Паника – отличная маскировка.

За углом у входа толпился напуганный народ, несколько полицейских машин и пара карет скорой помощи. А ещё я увидела грузовик с крупной надписью "Город ТВ". Быстро же работают.

Артур недовольно нахмурился и приостановил меня, вытянув руку.

– Пошли отсюда, иначе застрянем тут надолго.

Оставаясь незамеченными в толпе пострадавших и зевак, мы пошли к заметно поредевшей стоянке. Вишневский достал из кармана ключ и щелкнул брелоком – черный Лексус отозвался приветливым писком.

Я поверить не могла, что сейчас поеду с ним. В одной машине до самого дома. Вдвоем!

Это стоило того.

Все произошедшее сегодня – стоило.

– Артур! – раздалось визгливое справа, и на Вишневском рыдающим ураганом повисла брюнетка из клуба.

**Девушка в черном и мужчина в форме омоновца – герои из моего романа "Буду твоим первым". Как правильно заметили самые внимательные, действие этой книги происходит в том же самом ночном клубе "Райская пыль".*

Часть 5

Увидев ее, я стиснула зубы, похоронив нашу романтическую поездку в коттеджный поселок.

Вот же прилипала, а! Даже если она по уши в него влюблена, что сомнительно, это не повод вести себя так. Я вот тоже неровно к нему дышу, но не вешаюсь же на шею. Кажется, он вообще не догадывается о моих чувствах.

– Я просто в ужасе, Артур! Что произошло? Я не вижу ничего толком! Это же кошмар! Кошма-ар!

Стоило признать, рыдала она совершенно искренне. Кажется, даже я так сильно не испугалась. Не зря говорят, что у "золотых" детей иммунитет к стрессовым ситуациям хуже.

– Мне там ноги все отдавили, и я сумку свою потеряла – от Луи. В прошлом месяце только из Милана мать привезла, – она шумно всхлипнула, продолжая прижиматься к нему всем телом. И к моему великому разочарованию, он не оттолкнул ее – стоял, небрежно опустив руки на ее осиную талию, затянутую в короткое кожаное платье.

Они так потрясающе смотрелись вместе: оба высокие, модно одетые, яркие, и я – растрепанная и обликом рабочем фартуке...

Интересно, у них было что-то? Судя по смелости объятий обоих – было.

Стало отчего-то так грустно. И стыдно. словно в замочную скважину чужой спальни заглянула.

– Отцу позвонила, а он в аэропорту Дюссельдорфа. Обещал по приезде разобраться, что тут произошло. А выстрелы? Ты слышал? Так бабахало, что у меня уши заложило. Адель вообще куда-то в самое месиво затолкали. Ты видел сегодня Адель?*

– Можешь помедленнее говорить? У меня от тебя голова заболела.

– Отвези меня домой, ладно? Я в таком стремном виде, – она сделала движение рукой, которое знакомо всем девочкам – потянулась в попытке нащупать сумку. – Ну бли-ин, сумка!

Захныкала.

Кстати, моя сумка тоже осталась в клубе. А там мой телефон, медаль и... паспорт. Он же остался у этого Нодара. Вот черт.

– Ладно, поехали, – снизошел Вишневский. – Только сырость не разводи.

– Но моя сумка!

– Да у тебя этих сумок...

Переговариваясь, они двинулись к машине. А я осталась стоять.

Наверное, никогда еще я не чувствовала себя настолько лишней. И вроде бы ничего такого не произошло: он не мой парень, и отвезти меня домой он, кстати, тоже не обещал.

С чего я вообще взяла, что он собирался это делать?

Нужно просто незаметно уйти, чтобы не позориться еще сильнее. И больше никогда, ни за что, ни разу в его сторону...

– А ты куда это собралась? – раздалось за спиной, и я обернулась. Артур, свесив локоть, выглядывал из открытого окна авто. – Домой поехали.

– С ней?! – взвизгнула Ксюша. – Ты рехнулся? Это ж эта... – запнулась, проглотив ругательство, – из клуба.

– Иди-иди, – игнорируя ее вопли, тоном, не терпящим возражений, поманил меня Артур, и я решила, что корчить из себя сейчас гордую и независимую слегка неуместно. У меня ни денег, ни телефона – ничего. Поэтому развернулась и, нацепив на лицо невозмутимое выражение, подошла к авто. Вздрыгнула, когда дверь плавно открылась сама по себе, приглашая. Ксюша фыркнула: "деревня" и отвернулась.

Всю дорогу она только и делала, что жаловалась. На все без исключения. Она ныла так много и таким отвратительным тоном, что я готова была выйти и идти до дома пешком, лишь бы не слушать ее монотонный скулеж.

– Мать там, наверное, с ума сходит, весь телефон оборвала, сто процентов. А он сел! И ноготь сломала, блин. Ну бли-ин... – хныкала она, рассматривая маникюр. – И есть так хочется... Может, заедем в японский ресторан?

– Я не голодный.

– А я – да.

– Вот дома и поешь.

Мне пришлось хорошо постараться, чтобы сдержать ухмылку. Молодец, Вишневский, так ей.

Кажется, мое довольное выражение лица не ускользнуло от его навязчивой спутницы: она обернулась и уставилась на меня, скривившись.

– А чем это у тебя тут так воняет? – картинно потянула она носом воздух, а потом помахала ладонью у лица, словно разгоняя смрад. – Фу, колхозом каким-то. А, у тебя же там нищенка на заднем сиденье сидит. Не забудь поменять потом обивку, а лучше вообще тачку, она же ее трогала.

– Рот закрой, Ксю, – не отводя внимательного взгляда от дороги, твердо произнес он.

Принцесса опешила. Повернулась всем корпусом к Вишневскому.

– Это ты мне?

– Ну а кому еще?

– Ты совсем офигел? Она же овца! На хрен она тебе вообще сдалась? Ты только глянь на ее прыщавую рожу.

– Это веснушки! – не выдержала я, подавшись вперед между передними сиденьями. – Или у тебя не только с губами, но и со зрением проблемы?

– Вот ты конченая...

– Обе замолчали, – строго пресек начинающуюся перепалку Вишневский. – Ксю, а ты остынь, иначе пешком пойдешь.

– Ты совсем, что ли, умом поехал, Дзен? – взвизгнула она. – Ты на ее стороне, что ли? Не на моей?!

– Я ни на чьей стороне. Не люблю, когда спокойную ауру моей тачки оскверняют.

– Тогда тормози, я с этим чучелом не поеду. И с тобой, предатель! – она демонстративно задергала дверную ручку. – Тормози, говорю!

Я не ожидала, но он действительно взял правее, и через несколько секунд Лексус прижался к обочине.

Пыл красотки немного поутих. Единственное, что выдавало нервозность, – раздувающиеся как капюшон кобры ноздри.

– И чего мы встали? – пропыхтела она через несколько секунд полной тишины.

– Выходи, – он лениво кивнул на открывающуюся дверь и отвернулся, созерцая в окно мелькающие мимо машины. – Не задерживайся, тут стоять нельзя.

– Да брось ты, я же пошутила.

– А я – нет.

Ксения гордо задрала подбородок и, окинув его взглядом: "надеюсь, ты несерьезно?" несколько мгновений подождала ответа. Его не последовало – Артур по-прежнему был непробиваем.

Я сидела тише воды ниже травы, с интересом наблюдая за происходящим. Конечно, я знала, что он может быть бескомпромиссным, даже жестоким, но чтобы настолько...

– Я же сейчас реально выйду.

– Ну так возьми и реально выйди.

Не слишком красиво раздвинув ноги, она выбралась на шумную трассу и, убрав за уши разлетающиеся от ветра волосы, заглянула в салон:

– Ну ты и козел, Вишневский. И тачка у тебя дерьмо, даже дверью нормально не хлопнуть, – показав "фак", пошла вдоль обочины, ловя вслед одобряющие сигналы проезжающих мимо машин...

**Адель – героиня из моей книги "Буду твоим первым", которую утащил омоновец.*

Часть 6

Я до последнего думала, что он пошутил, ну не мог же он ее вот так, ночью, одну... Но как оказалось – мог. Он спокойно надавил на газ и, прибавив звук музыки, поехал дальше.

Я обернулась, наблюдая, как Ксения, сложив на груди руки, стоит у дороги, ожидая зеленого сигнала светофора.

– Слушай, она же одна там совсем, мало ли...

– Она живет в пяти минутах отсюда, – он, не сводя глаз с дороги, мотнул головой вправо.

– В центральной высотке. Сразу за забором охраняемая территория – мышь не проскочит.

Я перевела взгляд туда же и увидела три идентичных многоэтажных дома, подсвеченных в этот час голубоватым люминесцентом.

Действительно, рукой подать.

Хоть эта девчонка мне совсем не понравилась, но я была рада, что ей не придется идти одной ночью. Чертова женская солидарность.

– Да, – раздалось откуда ни возьмись хриплое в салоне.

– Там Ксюха домой идет. Встреть.

– Понял.

Только потом до меня дошло, что он позвонил кому-то по громкой связи. А он как-то понял, что нужно пояснить:

– Это с пульта охраны в ее доме, – поймал в зеркале мой взгляд и усмехнулся. – Только не спрашивай, откуда у меня этот номер, долго рассказывать.

Даже так... Видимо, дамочке не впервой влипать в неприятности, а ему не впервой прикрывать ее зад.

А еще я поняла, что он точно был у нее дома...

Впрочем, думать о ней и о том, что их связывает, мне сейчас хотелось в последнюю очередь: я переключилась на Артура, ликуя, что наконец-то мы остались вдвоем, и впервые я была счастлива, что их загородный дом находится так далеко от центра столицы.

Он не смотрел на меня, сосредоточившись на дороге, отбивая большим пальцем по рулю ритм, доносившейся из динамиков мелодии. Я закрыла глаза и втянула носом аромат его одеколона, смешанный с ненавязчивым запахом дорогого кожаного салона. Наверное, именно так пахнут роскошь и парень, который никогда не будет моим...

– Все нормально?

Я резко распахнула глаза и откинулась назад, делая вид, что смотрю в окно, на мелькающие мимо светящиеся витрины.

– Да, уже нормально. Спасибо еще раз, что спас меня.

– Скажешь тоже – спас, – в зеркале мелькнула улыбка. – Вот твой отец моему когда-то точно жизнь спас – считай, вернул должок.

– Ну... можно сказать и так, – я вяло улыбнулась в ответ, немного задетая его, в общем-то, логичным пояснением.

А ты чего ожидала? Что это все он от большой и чистой?

– Ты чего в клубе делала?

– На работу устроиться хотела.

– Мать знает?

– Нет, – честно призналась я и смутилась. – Ну... я собиралась ей сказать... как-нибудь... потом.

– Нечего тебе там делать, – отрезал он и свернул налево.

– Это еще почему нечего?

– Потому что маленьким приличным девочкам в таких заведениях не место.

– Мне восемнадцать, Дзен!

Он метнул на меня через зеркало быстрый острый взгляд.

– Какой я тебе Дзен?

– Ну, друзья же тебя так называют...

– Друзья – да.

Не в бровь, а в глаз. Тонко указал мне мое место, всего лишь парой слов опустив настроение до минимума.

Впрочем, удивляться нечему, такой он. Немного резкий, прямой, не ходит вокруг да около. А раз знала, то и обижаться глупо. Мы действительно с ним не друзья. Даже не соседи толком. Мы просто... никто друг для друга.

Какое-то время мы ехали молча, я кусала губы, не зная, с чего возобновить разговор, но потом решилась-таки заговорить первой:

– Не рассказывай маме, ладно? О том, что видел меня в клубе.

– Не расскажу, – и снова замолчал, погрузившись в свои размышления. Хотела бы я знать, что за мысли крутятся в его голове, и мечтала хотя бы вскользь быть одной из них. Но... нет. Это не было жестом супермена, и вряд ли его волновала моя жизнь, это было просто алаверды.

Мой отец спас его отца, он – меня. Кармический бумеранг.

Когда мы подъехали к коттеджу, была поздняя ночь – хозяйский дом спал, Впрочем, как и наш. Заехав во двор, Артур, как обычно, то есть небрежно, остановился, попав правым колесом на газон.

– Приехали, – проговорил он и расслабленно откинулся на спинку кресла. С наслаждением потер глаза. – Ну и ночь, да?

– Это да, будет что вспомнить. Спасибо тебе еще раз.

– Может, хватит уже? – он обернулся, сведя к переносице темные брови. – Ну правда, самой не надоело?

– Что? – я буквально опешила.

– Благодарить. Я не сделал ничего особенного. К тому же ты просто под руку там в суете подвернулась.

Мне стало обидно. Да, обидно! Даже если и так, мог бы промолчать, придурок!

– Эй, ну ты чего? – обаятельно улыбнулся он, заметив мое хмурое лицо. – Веснушка-а-а.

– Ничего! – рывкнула я, нервно шаря ладонью по обшивке двери, разыскивая ручку. – Выйти хочу.

– Да я пошутил, не обижайся.

– Я не обижаюсь.

– Ты обижаешься. Тебя не учили, что нельзя старших обманывать?

– Да ты замучил уже считать меня какой-то неразумной соплячкой! А я, между прочим, не глупее тебя. Взрослый.

Я разозлилась. Обиделась. Разочаровалась! И поняла, что несмотря ни на что влюбилась за эту дурацкую ночь в него еще больше.

Как он это делает? Ка-ак?!

Он даже не смотрит на меня. Нет, не так – он смотрит, но не видит. Я как была для него просто малолетней дочерью кухарки, так и осталась. Ничего не изменилось. Ну не замечает он во мне женщину, все бесполезно!

– У, какие мы свирепые, – он улыбнулся еще шире, забавляясь моей реакцией. – Ну ладно тебе, не психуй. Кстати, можешь называть меня как хочешь. Дзен так Дзен, – неожиданно протянул руку и, как в прошлую ночь, пропустил прядь моих волос между большим и указательным пальцами. – Классные все-таки волосы. Тебе говорил кто-нибудь?

– Я устала, Артур, домой хочу, – я собрала всю свою волю в кулак. Циничный, безжалостный, невыносимый сухарь! – Открой мне дверь.

– То есть вот так, да? – прищурился он. Улыбка стала уже не такой располагающей.

– Именно так.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга не отрываясь, а потом он, так же не отводя от меня глаз, нажал на светящейся панели какую-то кнопку, открывая мне путь на свободу.

– Ну иди.

И я ушла, ощущая лопатками его внимательный взгляд.

Часть 7

Я сидела на широком кухонном подоконнике, вяло перемешивая уже остывший чай. Несмотря на сильную усталость, уснуть получилось только к утру, и за какие-то четыре часа отдыха организм совсем не успел перезагрузиться. Настроения не было совсем, а глядя на брошенную у дома машину Вишневого, становилось только хуже.

Хотя, казалось бы, все прошло довольно неплохо, грустить не из-за чего, даже наоборот – радуйся. Тебя не затоптали, не убили, ты не сломала ногу, прыгая из окна, и даже умудрилась пообщаться с Артуром. Но вот почему-то не радовалось. Может, потому что раньше я могла хотя бы фантазировать, что он рассмотрит во мне женщину, а теперь убедилась, что этого никогда не случится.

Конечно, ну кто я такая? Дочь кухарки, без рода и племени. Рыжая, худая, слегка косноязычная, несмотря на серебряную медаль. Но ведь одно дело формулу выдумать и рассказать учителю, и совсем другое – говорить с парнем, который нравится.

Ну не может быть у нас ничего общего. Хватит уже питать себя дурацкими иллюзиями!

Вот такая, как Ксюша – да. Она из его круга, у них множество общих тем, они даже внешне идеально гармонируют. И характеры у них под стать – оба те еще... Вот и пусть, совет да любовь.

– Аглая, я дома! – зашуршала в коридоре мама, и я обернулась, нацепив на лицо кислую улыбку.

Я знала, что она очень остро переживает любые перемены в моем настроении, волнуется и почему-то сразу винит себя, если что-то идет не так. Поэтому старалась лишний раз ее не расстраивать.

Мои амурные не ее головная боль.

– А ты почему дома ночевала? – поставила на табурет наполненную продуктами сумку.
– Ты же написала, что у подружки останешься.

– Планы поменялись, пришлось вернуться.

– Все хорошо прошло, надеюсь?

– Конечно, праздник удался на все сто, – я скосила взгляд на монитор ноутбука, где на весь экран светился заголовок о перестрелке в ночном клубе "Райская пыль". К моему несчастью, мама посмотрела туда же.

– Ужас просто, по радио в машине у Иракли сегодня рассказывали. И все-таки я рада, что мы не в гуще столицы живем. Смотри, что творится! А у нас тут красота, свежий воздух, ни гоняющих туда-сюда машин, ни суеты. Да?

– Угу, – рассеянно промычала я, особо не расслышав, что именно она там сказала. Потому что взгляд мой был прикован к дому напротив. А точнее, к окну комнаты Вишневого. Распахнув на всю огромные створки, он, как и я, уселся с ногами на подоконник, удерживая в руках большую желтую кружку.

Ах да, небольшая пикантная деталь – уселся в одних шортах, без футболки.

Тело его было далеко не таким раскачанным, как у того же его друга Натана, утро которого начиналось со свежей фотографии в соцсети. Конечно, из спортивного зала и с голым торсом. Артур был более жилистым, но спортивным. Плоский рельефный живот, широкие плечи, сильные руки. И крошечная татуировка на правом боку, рассмотреть вблизи которую мне, увы, никогда не представится.

– Выходной, наверное.

– Что? – я вздрогнула и обернулась на маму, ощутив, как несколько капель чая упали на пижамные штаны.

– У Артура, – кивнула на окно. – Дома сегодня.

И тут она мой взгляд заметила. Ну ничего от нее не скрыть!

Странно, что она со своей проницательностью до сих пор не догадалась, что за чувства ее дочь питает к хозяйскому сыну.

Или догадалась, но тактично молчит?

Вишневский в этот момент повернул голову в мою сторону, и я ощутила, как вспыхнула. Засуетилась, пытаясь одновременно поправить волосы и не разлить чай.

Все равно разлила.

Он сдержанно улыбнулся. Заметил! Ну конечно, увидел и сразу все понял. Я же веду себя, как полная идиотка.

– Пойду в свою комнату, переоденусь, – буркнула я, скрываясь за дверью своей спальни. Войдя, заперлась на замок и обессиленно рухнула навзничь на кровать.

Дура! Дура! Дура!

Какая же ты дура, Игнатова.

Он не замечает тебя не потому, что ты дочь кухарки, а потому, что ты именно она – дура. И все делаешь не так.

Ночью я не спала именно потому, что прокручивала в голове каждый эпизод, каждую секунду рядом с ним. И пришла к выводу, что я и вела себя не так, и говорила не то, и вообще...

Впрочем, в одном я точно не сомневалась: я ушла – и правильно сделала! Какими бы ни были мои к нему чувства, отвечать в мою сторону дурацкие шутки не позволю.

А что было бы, если бы я осталась?..#####

Думать об этом я даже не хотела. Все. Сеанс самобичевания окончен.

Я поднялась и открыла створки скрипучего шкафа, достала длинную домашнюю футболку, шорты. Сняла верх от пижамы, бросив тот через плечо на кровать и...

– Доброе утро.

Инстинктивно скрестив руки на груди, я резко обернулась и едва не потеряла равновесие – в окне торчала голова Артура.

Вернее, не только голова – окна были большими, но довольно низкими, поэтому он поставил на подоконник локти, по-прежнему удерживая в одной руке кружку.

– В честь кого стриптиз?

– Ты что здесь делаешь?! – взвизгнула я, а потом, вспомнив про маму, понизила тон. Путаюсь в волосах, быстро натянула через голову футболку и обернулась уже всем корпусом, надеясь, что цвет моего лица не слишком выдает то, что происходит внутри. – Тебя не учили, что нельзя подсматривать в чужие окна?

– Да брось, что я там не видел, – он подтянулся на руках и приземлился пятой точкой на мой подоконник.

– У меня – ничего.

– Ну, теперь я бы так не сказал, – и улыбнулся, правда, глазами, потому что половину его лица прикрыла кружка, когда он делал большой глоток. – Ты как?

– Да ничего, нормально, – я дернула плечом, ощущая себя смущенной и... счастливой.

Он пришел ко мне. Сам. Впервые за эти пять лет.

С чего это вдруг?

– Нормально ты вчера Ксюху так на место поставила, не ожидал.

– И как ты с ней только общаешься? Она же... противная.

– Эксцентричная, – поправил он.

– У вас с ней что-то было? – выпалила я, вспомнив их объятия. И снова чуть-чуть покраснела.

– Что-то было, – подтвердил он, рассматривая меня уже с большим интересом. – Хотя смотря что именно ты имеешь в виду.

– Ну, ты сам понимаешь.

– Нет, уточни.

Издевается. Да ему нравится смотреть, как я смущаюсь!

– Я о...

– О?

– Ну...

– Сексе? – подсказал он, чем вызвал еще одну волну краски. – Ну, секс – это хорошо, его много не бывает. А почему тебя это интересует, кстати?

– Не то чтобы интересует...

– Но ты же не просто так это спросила.#####

– Просто... просто я не понимаю, что общего может быть у тебя и этой... раскрашенной дылды! – выпалила я, негодуя.

Он фыркнул от смеха.

– Так ее точно никто не называл. Она гордится своим ростом, кстати.

Слушать о какой-то левой девчонке в моей комнате было крайне неприятно. Тем более от него. Я была рада видеть его, но говорить о его победах на любовном фронте точно не хотела.

И зачем только вообще это спросила?

– Так что ты здесь все-таки забыл? – я встала на цыпочки и села рядом с ним на краешек подоконника. – Не помню, чтобы я тебя приглашала.

– Что забыл? Ну, может, тебя, как вариант, – невозмутимо ответил он и сделал еще глоток.

Я широко округлила глаза, не поверив своим ушам.

Он что, заигрывает со мной?

Вишневский?

Но он тут же разбил мои едва проклюнувшиеся фантазии.

– Просто увидел тебя в окне, решил заглянуть. Узнать, как ты после вчерашнего.

Ну конечно, зачем еще он может зайти? Разве можно было хотя бы на секунду поверить в то, что я могу ему понравиться?

Я видела всех его подруг, ни одна из них даже отдаленно не напоминала меня. Может, только его бывшая – цветом волос. И все.

– Аглая, открой, – постучала мама, и я вздрогнула, обернувшись. Испугалась, что здесь Артур. Как будто бы мы не просто болтаем, сидя на подоконнике, а занимаемся чем-то постыдным.

Он увидел мое смятение и даже не пошевелился, лишь повел бровью на дверь:

– Маме-то открой.

Пришлось идти открывать, чтобы не позориться, показывая лишний раз, что хоть я уже совершеннолетняя, но никогда не упоминала дома даже имени какого-либо парня. И уж тем более не приглашала его в свою спальню.

– Дочка, я... – начала мама и застыла, увидев Вишневого. Тоже сильно смутилась, бросив на меня вопросительный взгляд.

– Артур мимо гулял, – проямлила я, уже в сотый раз за утро сгорая со стыда. – Ну и... заглянул.

– Доброе утро, Артур.

Он кивнул в ответ и разом допил чай. Затем спрыгнул на землю.

– Ладно, пойду дальше мимо гулять. Занавески почаще задергивай, – это уже конкретно мне и, оставив свою кружку на подоконнике, он ушел.

– О чем это он? – спросила мама, и я дернула плечом, делая вид, что сама не знаю.

Лишь бы она только ничего по мне не заметила. Пожалуйста!

– Идем, я сырников пожарила, позавтракаешь нормально. Пошли-пошли, смотри, худая какая, – поторопила взмахом руки и вышла из комнаты. – Жду тебя на кухне.

Я утвердительно кивнула и, дождавшись, когда она уйдет, метнулась к окну, проводив взглядом обнаженную спину Вишневого. А потом осторожно, словно это какой-то священный артефакт, взяла его кружку. Понюхала содержимое, прислонилась губами к месту, где пил он...

– Аглая, стынет!

– Иду! – вздрогнула я и, спрятав кружку в ящик стола, пошла завтракать. Попутно вспомнив о том, что паспорт вчера я так и не забрала.

Часть 8

Мне срочно нужно было забрать из "Райской пыли" свои документы. Я боялась, что после вчерашнего инцидента заведение надолго закроют – всякие проверки, расследование и что там еще, но нет, каким же было мое удивление, когда я позвонила туда и узнала, что они работают как обычно. Словно ничего не произошло. Подумаешь, была перестрелка, и людей чуть газом не отравили...

– А ты куда это? – удивилась мама, увидев, как я, наспех собравшись, застегиваю босоножки в коридоре.

– Да так, решили встретиться с девчонками из класса, – соврала я, пряча глаза.

Врать я не любила и не умела, и мама всегда вычисляла мою даже малейшую ложь в два счета. Вот и сейчас...

– Так ты вроде бы с ними никогда особо близко не дружила.

– Потому что мы живем слишком далеко друг от друга, и по этой причине проводили мало времени вместе вне уроков. А сейчас что – школа закончена, можно и погулять. Ну все, мне пора, а то автобус уедет, – я быстро клюнула маму в щеку, по-прежнему пряча взгляд, и хотела уже было поскорее ретироваться подальше от ее внимательных глаз, но она задержала меня, сжав запястье:

– У тебя что, мальчик появился? – спросила она, пряча в шепоте неловкость. – В городе?

– Ну, ма-ам, не начинай, – закатила глаза. – Какой мальчик?! И вообще, мне уже восемнадцать, так что парень тогда уже.

– Значит, все-таки...

– Нет, я не влюбилась. Если вдруг – ты узнаешь первой, – и улыбнулась, заметив на ее лице еще большее смущение.

Я даже представить не могла, что будет, если она узнает, что я вот уже несколько лет влюблена в Артура. Она его очень уважает: "Артур то, Артур се. Школу на отлично закончил, в университет сам поступил, без протекции отца. И в Гарвард скоро поступит", но наверняка она даже в мыслях не могла представить, что я и он... Потому что, несмотря на мягкий характер, на ногах она стояла твердо и понимала, что прекрасные принцы только в сказках и женских романах женятся на "простолюдинках", а в действительности все совсем иначе.

Сколько богатых мужчин в реальной жизни выбрали второй половиной себе официантку или уборщицу? То-то же.

Учитывая, что на дворе стояла середина лета, и горожане побросали свои квартиры и разъехались по дачам – я рассчитывала, что до центра мы доберемся довольно быстро. Но подъезжая к городу, мы встали в огромную километровую пробку, на которую потратили ни много ни мало три с лишним часа! Так что в клуб я приехала уже довольно поздно – к девяти. Уставшая, голодная и порядком раздраженная.

Там было прибрано, ни следа от вчерашнего погрома. Словно случившееся мне просто приснилось.

– Привет, девчонки. Я тут сумку свою вчера оставила. Можно мне в раздевалку зайти? Я быстро заберу и уйду.

– То есть работать ты здесь больше не собираешься? – недовольно спросила Алла.

Признаться, я думала, что меня уволили – я столько вчера накосячила. Но то ли жалобы не дошли до "верха", то ли после вчерашнего инцидента всем стало не до этого, но увольнять меня, к удивлению, никто не планировал.

– Нет, не собираюсь, – твердо ответила я.

– Ну, дело твое, иди, там открыто. Только паспорт у Нодара не забудь забрать.

Видеть босса не слишком хотелось – произвел впечатление он так себе, но оставлять ему документы я не намеревалась тем более. Постучав в дверь и услышав раздраженное "войдите", я вошла в кабинет, сразу же столкнувшись с крайне недовольной миной моего несостоявшегося работодателя.

Босс сидел на своем кресле-троне, положив волосатые руки на зеркальный стол. И взгляд у него был ну вот совсем не располагающий.

– Здравствуйте, Нодар... э...

– Гургенович.

– Я пришла забрать свой паспорт. Он же вчера у вас остался.

– У меня, – протянул он, сверкнув черными маслянистыми глазами. – Ты почему на смену сегодня не вышла?

– Да видите ли... нашла другую работу.

– Тоже официанткой?

– Угу...

– А чем мое заведение не понравилось? – он грузно поднялся, и только теперь я увидела, какой у него огромный живот. Две пуговицы на рубашке внизу расстегнулись, видимо, не выдержав давления, выпустив на обозрение не менее мохнатый пупок.

Ужас...

Я отвела взгляд, уткнувшись в развешанные на стене фотографии посещавших заведение звезд.

– У вас отличный клуб, один из лучших, просто я живу очень далеко, неудобно ездить.

– А вчера, когда устраивалась, значит, было удобно?

Мне не понравился его настрой, как и странный, будто мутный взгляд.

Зачем-то посмотрела на дверь, потом снова на него.

– Да я как-то об этом сразу не подумала. Не волнуйтесь, никакую плату я за вчерашнюю смену не требую, просто верните мне мой паспорт, и я уйду.

– Вот так просто уйдешь?

Он обошел меня по кругу, рассматривая, словно товар.

– А поговорить?

Я опешила, обернувшись, потом что он завис сзади.

– О чем поговорить?

– Под хороший коньяк всегда найти тему можно. Да ты садись, – кивнул на кресло, но я, наоборот, отошла на шаг назад, сжав в кармане телефон, который забрала вместе с сумкой из подсобки.

– Я очень тороплюсь на электричку.

– Я тебе такси вызову. Да не волнуйся ты так, я же к тебе со всей душой. Садись, говорю, в ногах правды нет, – положил на мое плечо мясистую ладонь, насильно опуская в кресло.

Сердце пустилось в бешеный галоп, предчувствуя что-то очень и очень дерьмовое. Я ведь даже не сказала никому, что отправилась сюда. Никто об этом не знает.

– Но мне правда пора...

Он что-то пробурчал под нос на непонятном для меня языке и открыл заляпанную дверцу бара. Выудил большую квадратную бутылку, два стакана. Обернулся, не скрывая гнусную улыбку:

– Неужели ты до сих пор не поняла, что уйдешь отсюда только тогда, когда я этого захочу? Сейчас посидим с тобой. Поговорим по душам.

– Мне некогда. Пожалуйста, верните мне мой документ!

– Да ты чего такая дерганая, птичка? – положил ладонь на мое плечо. – Не хочешь уважить человека? Я к тебе ведь действительно с душой. На работу взял, хотя видно, что нигде ты раньше не работала. Не отказал, а ты как себя ведешь? "Не хочу, не буду". Разве это дело?

– Послушайте... – я попыталась подняться, но он буквально придавил меня к креслу.
– Я очень не люблю неблагодарных людей. На добро надо добром отвечать, не учили?

Полные мокрые губы изогнулись в наглой ухмылке. Не той, которая подкупает девчонок, когда так улыбается симпатичный любимец класса, а той, когда наглость – пугает.

Вот почему он взял меня вчера на работу так просто! Я еще удивлялась, как все гладко вышло...

Что же делать? Орать? Да разве кто придет на мои вопли? Скорее всего, подобное тут не редкость.

Да и драться я совсем не умею.

– Рыженькая... Хорошенькая. На мою первую любовь похожа, – улыбка стала сальной. – Не бойся, дядя Нодар тебя не обидит. Наоборот, отблагодарит, если хорошо будешь себя вести.

Он протянул руку, чтобы дотронуться до моей щеки, а я, сама не понимая, что творю, изо всех сил резко оттолкнула его от себя. Затем вскочила и, юркнув у него под рукой, побежала к двери, радуясь, что он не успел ее запереть.

Мне было дико страшно, слезы буквально душили. Паспорт я так и не забрала, но сейчас он тревожил меня в последнюю очередь. Единственное, что волновало на самом деле – это спастись от этого мерзкого мужика. Убежать, спрятаться, скрыться. Фу!

Стоило только представить, что было бы, запри он дверь, стало дурно.

– Аглая, ты куда это? Эй! – раздался за спиной голос Аллы, но я, ничего не слушая, ринулась напрямик на выход.

На улице было довольно многолюдно для столь позднего часа: горели вывески магазинов, по тротуарам спешили по своим делам люди, мелькали в едином потоке машины. Но я не чувствовала себя защищённой среди них, наоборот, теперь в лице каждого я видела врага.

Зайдя за угол клуба, опустилась возле стены на корточки и, прикрыв лицо ладонями, зарыдала, выплескивая эмоции.

Прав был Вишневский, что мне нечего здесь делать. Как же он был прав!

И как теперь мне забрать паспорт? Прийти сюда с мамой или полицией? Так ведь у меня нет ни единого доказательства его домогательств, мне никто не поверит просто на слово.

Впрочем, можно сказать, что я его потеряла, и как-то восстановить...

Неожиданно на тротуаре прямо напротив появились чьи-то пыльно-белые кроссовки.

– Эй, ты чего тут уселась, кукла? – раздался хриплый голос, и я подняла зареванное лицо на незнакомого мне парня. Короткая армейская стрижка, серьга в виде креста в ухе и взгляд, похожий на взгляд Гургена-Нодара. Такой же маслянисто-ненормальный.

– Ничего, – я шмыгнула носом и поднялась, поправив на плече ручку сумки. – Уже ухожу.

– Давай провожу.

– Не надо, я сама дойду, – я попыталась пройти, но он, широко раскинув руки, преградил мне путь.

– Да ладно тебе, не агришь. Затусим вместе, я место одно хорошее знаю, тут недалеко. Тебе точно понравится.

– Мне надо домой!

– А потом и домой поедем, конечно. Хочешь – ко мне, хочешь – к тебе.

– Сейчас же пропустите меня, иначе я кричать буду!

– Будешь, как же без этого, – хохотнул он и замолчал, когда в наш совсем не дружеский диалог вмешался третий, неожиданный голос:

– Не слышал, что тебе сказали? Дай ей пройти.

Паникуя из-за нового свалившегося на голову приключения, я совсем не заметила, как у нашей беседы появился свидетель...

Часть 9

Артур.

Я глазам своим не поверила.

– Пусть идет, – спокойно, но уверенно повторил он, подходя ближе.

– Твоя, что ли? – кивнул на меня незнакомец, слово на какую-то вещь.

– Допустим, моя.

– Ну ок, без бэ. Чужое не трогаю, – протянул руку, чтобы как бы сразу на берегу заключить перемирие, но Вишневатский даже не пошевелился. Не сводя глаз с бритоголового, повел головой в сторону припаркованного у тротуара Лексуса, адресуя реплику мне:

– В машину иди.

Я быстро кивнула и послушно метнулась к его тачке. Юркнула в салон, прижав к груди сумку.

Артур, как обычно во всем черном, выглядел словно герой боевика Марвел на фоне этого гопника в джинсе и грязных кроссовках.

Надменный. Холодный. Уверенный в себе.

Они поговорили о чем-то буквально тридцать секунд, после чего Артур, явно не уделяя внимания такой детали, как попрощаться, развернулся и пошел к машине.

Когда он оказался в салоне, у меня было единственное желание – прильнуть к его плечу и как следует прорыдаться, ибо тиски страха еще не отпустили.

Но я, конечно, постеснялась это сделать.

– Ну и что это было? – строго спросил он, заводя двигатель. – Кто это вообще?

– Этот? – я кивнула в окно на удаляющуюся спину парня. – Я не знаю, впервые его вижу. Просто подошел и спросил, почему я тут сижу.

– И почему ты там сидела?

Мне было стыдно рассказывать о том, что случилось, даже учитывая, что моей вины в этом не было. Но я все равно рассказала. Просто вывалила на него все как было, только утаив, что устроиться я туда решила исключительно из-за него.

Он слушал молча, не перебивая, только складка между нахмуренных бровей становилась все глубже.

– Значит, паспорт у него остался? – резюмировал он, сворачивая к многолюдной в этот час набережной.

– Да. Пришлось бежать, у меня выбора не было.

– Я же говорил, что делать тебе там нечего. Ты всегда такая непослушная? – он обернулся на меня, и щеки обдало жаром.

– Ну, я же за своими вещами приехала, – а потом решилась задать волнующий вопрос: – А что ты там делал? У клуба?

– Мимо ехал, – просто проронил он, и в душу словно камнем запустили. Мимо он мог ехать по причине того, что собирался к Ксюше. Она же живет совсем неподалеку...

– Давай тут встанем, – произнес он, обращаясь то ли ко мне, то ли к самому себе, и заглушил мотор.

Напротив нас за парашетом блестела черная в этот час Москва-река, отражая в своих водах многотысячные огни ночного города.

– Кофе будешь?

– Кофе? – рассеянно переспросила я, не понимая, что вообще происходит. – Буду. Раф, ванильный, если можно...

– Ну, пошли тогда, – он открыл дверь, и я выбралась из кондиционированной прохлады салона в теплый летний вечер. Даже уже почти ночь.

К маленькому кофейному лотку мы шли молча, конечно, не за руку, но я была преисполнена какого-то детского счастья, что просто нахожусь рядом с ним. Что он не оставил меня. Выслушал. Что решил угостить кофе...

Мы проводим вместе уже вторую ночь подряд, какая прекрасная традиция.

– Спасибо, – я взяла из его рук горячий бумажный стакан, и мы подошли к парাপету. Какое-то время наблюдали за проплывающим мимо теплоходом, катающим туристов, а потом я украдкой смотрела на него, в сотый раз изучая профиль.

Я пять лет лелеяла перед сном его образ, стоит ли говорить, что его лицо казалось мне сейчас самым красивым?

– А ты к Ксюше ехал? – спросила я, хотя понимала, что лезу туда, куда меня не просят. В памяти еще было свежо его "какой я тебе Дзен?". Но удержать любопытство в себе было выше моих сил.

– Нет, с чего ты взяла? – он наконец-то посмотрел на меня. В его черных зрачках отражались огни, а губы... лучше бы я на них не смотрела.

– Просто подумала... – дернула плечом, радуясь, что сейчас темно, и особо не рассмотреть, как безбожно я вру. – Мне показалось, что вы встречаетесь.

– Я и Ксю? – фыркнул он. – Исключено. Она не в моем вкусе.

– Но у вас же что-то было, ты сам говорил...

– И какое отношение это имеет к встречаниям?

Я прикусила язык и уткнулась в стакан с остатками рафа.

Мне никогда не понять его мир. Его жизнь. Он словно с другой планеты. Свободный, раскованный, думает и говорит что хочет. Живет как хочет. У него нет рамок, тогда как я вся состою из них.

Для меня близость с парнем это что-то такое – волшебное и только по большой любви, а для него...

– Не забивай голову, Веснушка, у мужиков все иначе, – словно мысли мои прочитал.

Я снова подняла на него взгляд и... поняла их – тех, кто, не имея шансов на спасение, пал под каток его обаяния. Невозможно не поддаться.

Наверное, он чем-то напоминал моего отца: такой же высокий, слегка отстраненный. Надежный. Не исключено, что именно поэтому я, сама не отдавая себе в этом отчета, влюбилась в него, едва увидев. Своего папу я тоже любила...

– Ладно, поехали, поздно уже, – он смял стакан и бросил комок бумаги в урну. Я последовала его примеру, и мы вместе вернулись к машине. Практически в полном молчании доехали до дома.

В глубине души я рассчитывала на то, что, возможно, мы, как и в прошлый раз, посидим вместе во дворе, но нет, он остановился и, не заглушая мотор, кивнув в сторону темного в этот поздний час дома:

– Ну, иди. Вадим тебе откроет ворота.

– А ты?

– А у меня еще есть кое-какие дела.

Я долго смотрела на удаляющиеся фары его авто, размышляя, куда же можно сорваться в такое время. Решив, что на свидание – куда же еще? – поплелась к нашему дому.

А проснувшись утром, увидела на подоконнике свой паспорт.

Мой паспорт, в нежно-лиловой обложке с чуть потрепанными краями.

У меня не было сомнений, откуда он там появился.

Это Артур.

Это принес он. Выходит, поехал он вчера не на свидание, а в "Райскую пыль" специально за тем, чтобы забрать у Нодара мой паспорт. Но почему? Я же не просила его об этом.

Я быстро умылась и, наспех натянув первые попавшиеся шмотки, пересекла ухоженный двор. Подошла к двери дома Вишневских. Я бывала там сотню раз, но никогда не надавливала на звонок с таким волнением.

– Аглая? Доброе утро, – на пороге стояла стильно одетая Инна Алексеевна, удерживая возле уха мобильный.

Меня всегда поражало, как эта женщина умеет себя преподнести – словно герцогиня из рода Кембриджских. В любое время дня и ночи ее прическа была безупречна, одежда подобрана с идеальным вкусом, на лице легкая загадочная улыбка настоящей леди.

– Ты к маме?

– Да. Хочу ей... кое в чем помочь.

– Проходи, – она посторонилась, пропуская меня в просторную гостиную в бежевых тонах. Мама говорила, что она сама занималась обустройством дома, не вызывая никаких дизайнеров, стилистов и прочих специалистов, навязывающих богатым людям свой вкус. Мне безумно нравился их дом, я бы оформила свой точно так же.

– Да... Да, Дуняша, уже выхожу, моя дорогая. Через час, да, – забрав сумочку в тон приталенному пиджаку, Инна Алексеевна подарила мне улыбку и кивнула в сторону кухни, мол, иди, мама там.

Мне было приятно, что их семья мне настолько доверяет. Я могла беспрепятственно перемещаться по дому, заходить во все комнаты – запретов не было. Но, конечно, я никогда этого не делала. Максимум, куда я могла зайти – это кухня, столовая и... комната Артура, пока никто не видит. Паломничество в его святая святых я начала пару лет назад. Не для того, чтобы внедриться в его личную жизнь, нет, я просто хотела быть хоть чуточку к нему ближе.

Я рассматривала многочисленные книги на его полках, могла открыть шкаф и вдохнуть аромат одежды, сплошь стильного черного цвета. Самое постыдное – прилечь на его кровать и помечтать.

Сейчас я тоже пришла сюда именно за этим, чтобы зайти в его комнату.

Зная, что ее хозяин находится внутри.

Мне нужно было знать, зачем он это сделал.

Я быстро поднялась по лестнице и сразу же направилась к предпоследней двери в самом конце коридора. Она была приоткрыта, и я слышала отдаленный шум льющейся воды. Он в душе.

Если я войду, будет слишком непристойно? Конечно, слишком. Он дико разозлится, если увидит меня внутри. Поэтому я просто прислонилась спиной к стене, дожидаясь, когда он выйдет из ванной. И стояла бы так до победного, но услышала, как кто-то поднимается по лестнице.

Только этого мне не хватало! Чтобы кто-то увидел, как я торчу здесь, и решил, что я шпиюню за сыном хозяина. Я не знала, кто это мог быть. Точно не мама – она практически не выходит из своего кухонного царства, не Альберт Владленович – он уезжает рано утром, и до поздней ночи его не бывает дома. Как и Инна Алексеевна, она уже несколько лет курирует благотворительный фонд, тратя на него все свое время.

Аня, горничная?

Мы в неплохих отношениях, но, кажется, ей тоже нравится Артур. Вряд ли ее воодушевит мое здесь присутствие.

Долго размышлять было некогда – я просто открыла дверь и юркнула внутрь, прильнув к замочной скважине. Точно – Аня. Прошла мимо по коридору, задержавшись на секунду возле комнаты Артура.

Конечно, конкуренткой я ее не считала, это просто глупо, ведь ни она, ни я Вишневскому неинтересны. Его планка – птицы более высокого полета.

– И что там интересного показывают? – раздалось за спиной, и я, вздрогнув, резко обернулась.

Вишневский стоял в метре от меня, придерживая на бедрах черное полотенце.

Часть 10

– Ну так и чего там? – кивнул на дверь и взмахом руки убрал упавшие на лоб влажные пряди. – Я понимаю еще – подглядывать за мной в душе, но рассматривать в замочную скважину моей спальни коридор...

– Прости, я... Это совсем не то, что ты подумал! – я вжалась в дверь, мечтая, чтобы она открылась, и за ней оказался портал в Нарнию. Или в преисподнюю. Да куда угодно, лишь бы побыстрее уйти от этой неловкой ситуации. – Я просто мимо шла и... вот... пришла к тебе. Понимаю, как это выглядит, но это точно не то, что ты там нарисовал в своей голове.

– А что я нарисовал?

– Не знаю, это же твоя... голова.

Господи, что я несу!

Он скупо улыбнулся и, чуть наклонив голову набок, уставился мне прямо в глаза, специально смущая. С его волос капала вода, стекая тонкими струйками по плечам и груди. И какое это было зрелище...

– А может, ты все-таки следила за мной?

– Совсем как ты за мной? Вчера утром в окно.

– Ну хорошо, один-один, – снова улыбнулся он и, распахнув зеркальный слайд двери, достал с полки шорты. А потом... рывком сбросил полотенце, швырнув его на черные простыни незастеленной кровати.

Я вспыхнула словно факел, конечно, сразу же отвернулась, но ничем не прикрытый зад увидеть все-таки успела. Кровяное давление сразу же взметнулось к предельно допустимой отметке, пусть сюда врача с тонометром, он бы сильно удивился, почему я до сих пор жива.

Рассматривая потолок, вдруг совсем стушеввалась, что совсем мне не свойственно.

– Я... я пришла спросить про паспорт.

– Паспорт?

– Это же ты его принес и положил на мой подоконник.

– Ну, допустим.

– А где ты его взял?

– У Нодара, где же еще. Не надо было?

– Нет, надо, конечно, очень надо. Но я просто не ожидала... И не просила тебя о помощи.

– Я же говорил, что делать тебе там нечего.

– Ты был прав.

За спиной послышались шаги, из чего я сделала смелый вывод, что он уже оделся. Обернулась. Вишневский сидел на кресле, положив скрещенные ноги на низкий зеркальный стол. В руках он держал спелое красное яблоко.

– Спасибо тебе. Я не знала, каким образом забрать у него документ. Ты его что, побил? Ну, Нодара.

Он в который раз улыбнулся (невиданная эмоциональная щедрость!) и с аппетитом вгрызся в хрустящую кожуру. Чуть наклонившись всем корпусом вперед, взял со стола телефон и, откинувшись обратно, уткнулся в светящийся дисплей.

– Я похож на того, кто бьет морды?

Вообще-то, нет, на того, кто распускает руки, он похож нет был. Не то чтобы он был слабаком или трусом, скорее бездумное животное рукоприкладство – не его метод. Он слишком для этого ленив. И хитер.

– В общем, как бы ты его ни забрал – спасибо тебе большое. Если бы не ты, даже не знаю... Я могу что-то для тебя сделать? В благодарность.

Он отвлекся от айфона и окинул меня взглядом с головы до ног. Не как минуту назад, уличая в подглядывании, и не откровенно похабным, но я почему-то автоматически ощутила себя раздетой. Даже руки на груди сложила, словно его взгляд-рентген был способен видеть что-то через ткань футболки.

– Да мне несложно было, – он дернул плечом и снова откусил яблоко. И все это, не сводя с меня темных глаз.

Мне стало так неловко, в голову полезли совсем неуместные мысли, от которых я захотела сбежать.

– Ладно, я пошла, – буркнула я и, быстро юркнув в коридор, едва не столкнулась нос к носу с Аней. Та несла в руках стопку свежевыглаженного постельного белья. Увидев меня, она остановилась, прищурила глаза, словно подозревая в чем-то крамольном.

Ну все, теперь по дому понесутся сплетни.

– Привет. Ну и... пока, – я опустила взгляд и пулей понеслась по лестнице вниз.

Мне срочно требовалось хоть чем-то занять подрагивающие от волнения руки и заодно голову, чтобы её не разорвало от обилия различных и – о, боже! – не самых приличных мыслей.

Как он разделся, а потом посмотрел на меня...

Признаться, когда он переодевался, а я с преувеличенным интересом рассматривала потолок, то видела – случайно, краем глаза – в зеркальном отражении, как он это делал.

Гореть мне за это в аду, или есть грехи повесомее?

Не прекращая прокручивать в голове произошедшее, я свернула на кухню и увидела чинно попивающего за столом чай Иракли. Тот как обычно был одет в строгий костюм: даже если не планировалось ни единого выезда, Иракли все равно был в режиме "боевой готовности".

Почему-то, увидев меня, мама немного как будто бы смутилась, даже щечки порозовели.

Или они порозовели до моего прихода?

– Привет, а ты чего здесь? – шинкуя капусту, словно заправский мишленовский повар, спросила она.

– Да вот, к тебе зашла. Привет, Иракли, – кивнула я и плюхнулась за стол. Взяла в руки еще горячий заварник.

Признаться, я вообще не понимала, для чего Вишневатские его тут держат. Не заварник, конечно, Иракли. Чтобы возить куда-то меня и маму? Не слишком ли жирно – нанимать слугу для слуг?

Впрочем, его оклад для такой обеспеченной семьи наверняка не очень тяжелое бремя. И все-таки Инна Алексеевна иногда пользуется его услугами, когда уезжает куда-то на званый ужин.

Я сидела, прихлебывала чай и постоянно смотрела то на дверной проем, то в окно, втайне надеясь, что где-то на горизонте появится Артур.

Ведь он сделал несколько лишних телодвижений из-за меня. Съездил и забрал у хозяина клуба мой паспорт. Непозволительная роскошь для такого хладнокровного циника, как он. И все это, получается, только ради меня...

Глупо, наверное, фантазировать, что у него вдруг вспыхнули ко мне какие-то чувства, но так хотелось в это хоть на долю секунды поверить.

Ну а почему, собственно, нет?

Я сидела и витала в своих девичьих облаках, совсем не замечая, как многозначительно переглядываются мама и Иракли...

– Аглая, у меня выходной завтра, – осторожно начала мама, высыпая поистине исполинскую гору капусты в чашу пароварки. – Ты же помнишь, да?

– Ну да, как всегда – по вторникам.

– Ну... в общем, я решила съездить в город. Погостить у тети Любы. Давно у нее не была.

– Ладно, давай, – я безразлично дернула плечом и взяла из вазочки печенье. – Хорошо вам там повеселиться.

– Только я уже сегодня уеду. Вечером, – она отчего-то вдруг покраснела и опустила как будто бы виноватый взгляд, с преувеличенным усердием отбирая лук-шалот. – И, может быть, останусь у нее переночевать... – румянец стал еще гуще.

Она так сильно смущалась, что если бы это был не наш привычный всем Иракли, я бы решила, что она смущается из-за него.

– О'кей. Это вы хорошо придумали, тебе полезно развеяться. А то только видишь, что продуктовый рынок и эту кухню. Да, Иракли? – я перевела взгляд на водителя, и тот, поджав губы, серьезно кивнул.

Парочка выглядела какой-то странной. Опять-таки, если бы это был не он, я бы решила, что у этих двоих какие-то шуры-муры. Впрочем, развивать эту тему даже мысленно я не могла, настолько это была нелепая и как будто бы нереальная вещь.

Мама и Иракли? Да ладно!

На горизонте Вишневский появился тогда, когда я уже практически отчаялась его увидеть. Прошел мимо окна, как обычно во всем черном, запрыгнул в свою навороченную машину и уехал.

Конечно, я не могла знать, куда он собрался, и уж тем более не могла предугадать, что произойдет, когда он оттуда вернется. А произойдет то, что навсегда изменит мою жизнь.

Впрочем, этого я еще тоже не знала.

Часть 11

Его не было весь день и весь вечер. Куда он уехал, я, конечно, не знала, но фантазировать позволила себе от души. В моих мыслях он был то с Ксюшей, то с той рыжей, то с кем-то еще – и творили они там такое...

Я изводила себя ревностью, понимая, что не имею на нее, в общем-то, никакого права. Он не мой парень, он даже не мой друг. Он мне никто! Но зачем-то же он помог мне. Уже трижды. Неужели только из чувства благодарности за то, что когда-то мой отец спас его отца?

На правду это было похоже мало. Не такой он человек.

– Как тебе это платье? – отвлек от размышлений голос мамы.

Я обернулась и буквально не узнала эту светящуюся и словно помолодевшую женщину. Струящийся светлый шелк сарафана, уложенные волосы и даже... Что это? Макияж?!

– Ну, не молчи! Слишком, да? Я так и знала... – расценила паузу по-своему и собралась уже стянуть серьги-жемчужины, но я подскочила с кресла и поторопилась ее остановить:

– Ну что ты, все просто отлично! Я в диком восторге!

– Правда? – неуверенно переспросила она, бросив взгляд в зеркало напротив. – Я тысячу лет не надевала каблуки и чувствую себя так неловко...

Батюшки, точно. Еще туфли!

Я осмотрела родительницу с головы до ног, и в мозгу засело некое подозрение:

– А ты точно едешь к тете Любе?

– Конечно! Куда же еще?! – вспыхнула мама. – Я же сказала.

– И помада ради нее?

– Если ты сейчас же не прекратишь, я сниму все это и...

– Да я шучу! – я обняла маму за плечи и звонко поцеловала в щеку. – Ты выглядишь отпадно. Тетя Люба оценит.

Конечно, я не поверила в эти сказки: ни одна женщина не расстается вот так из-за старой школьной подруги. У мамы свидание! Только с кем? Это оставалось огромной загадкой, ведь дальше этих и кухонных стен она ничего не видит вот уже пять лет.

Может, познакомилась с кем-то на продуктовом рынке?

Вопросов была масса, не задавать их я не стала. Видела же, что ей и так неловко, к чему смущать еще сильнее. Захочет – расскажет.

Проводив ее, сотню раз уверив перед этим, что все замечательно и ничего не нужно менять, что я прекрасно справлюсь тут одна, и вообще все пройдет отлично, я села с книгой у окна. И отчего-то почувствовала себя такой несчастной...

Даже у мамы появился кавалер – вон, поехала на настоящее свидание. А я? Сiju в восемнадцать лет как старушка с томиком Ремарка в руках. У меня, признаться, и свиданий-то нормальных никогда не было. Один раз сходила в кино с одноклассником и потом еще в парк развлечений, на этом, собственно, все. Да и с кем мне было ходить, если всю свою сознательную жизнь я была влюблена в Вишневого? Идти на свидание только ради свидания – так я не хотела. Только с тем, кто нравится. А не нравился мне никто, кроме одного... Того, кто сейчас неизвестно где.

На коттеджный поселок опускались сумерки, я толком так ничего и не прочтала. Все сидела и думала. И по большей части о том, что мне нужно принять волевое решение и уехать отсюда. Переехать в город, снять там квартиру, учиться. Может, встречу хорошего парня... Сколько можно лелеять никому не нужные чувства? Я никогда не избавлюсь от них, если не разорву этот замкнутый круг.

А если он жениться надумает и приведет сюда свою пассию? Я смогу на это спокойно смотреть? Нет! Я после его первых подружек, что он привозил сюда, долго отходила. Довести себя до нервного срыва, и чтобы потом, как тетя – в окно... Ни за что!

Мне просто пора взрослеть и становиться умнее. Пора выбрасывать его уже из головы. Точка! Завтра же займусь поиском квартиры. Мама поймет, она сама на этом настаивала.

Я захлопнула книгу и в полной решимости все поменять вернулась в дом. Приняла душ, переделалась в пижаму и с чувством пусть немного печального, но все-таки воодушевления, легла спать.

А через пару часов проснулась от непонятного шума...

Я вскочила с кровати и выглянула в окно: во дворе стоял Артур. Ну как стоял... качался, словно флигель на ветру. Под ногами валялась перевернутая металлическая урна...

Да, я собралась забыть этого хладнокровного циника, вычеркнуть из своей жизни и все такое, но он же сейчас растянется спать прямо на газоне!

Недолго думая, я нырнула в тапочки и, забравшись на подоконник, спрыгнула из окна вниз. Минуту ряд аккуратно высаженных в шахматном порядке туй, подошла к Вишневному.

– И что отмечали?

Он, покачиваясь, неуклюже обернулся, и лицо озарила широкая улыбка.

– Весну-ушка... А ты чего не спишь?

– Поспишь тут – с таким-то грохотом, – обернулась, разыскивая привычно брошенную как попало машину, но ее нигде не было. – А где твой Лексус?

– А, – небрежно махнул рукой, – я его разбил.

– О, Господи! Надеюсь, праздновал ты после этого, а не до... – и только сейчас заметила на его руке кровь. Почувствовала, как побледнела. – Ты что, в аварию попал?

– Авария попала в меня, – снова улыбнулся и, дергая рывками молнию на куртке, освободился-таки от удушливого захвата. – Да нормально всё, все живы. Слегка помял столб, больше никто не пострадал.

– И где ты его оставил?

– Столб?

– Лексус.

– Забрал эвакуатор, – он дернул плечом и выудил из кармана миниатюрную фляжку, но я выхватила ее у него из рук и бросила в поставленную секундой ранее как положено урну.

– Ты в травмпункт заезжал?

– Да говорю же – все в порядке, не суетись.

– Но у тебя кровь! Пойдем, я сама тебе раны обработаю. Идем, идем, – я поторопила его взмахом руки. На удивление он послушно зашагал следом.

В какой-то другой момент я бы, наверное, думала только об этом, что сейчас он придет в мой дом – сам Артур, но сейчас была настолько взволнована, что мне было вот совсем не до этого.

А если у него там не только царапины? Порой серьезные повреждения не дают о себе знать так сразу. Например, разрыв селезенки или еще что похуже...

– Не снимай обувь, проходи так. Садись сюда, – кивнула я на кресло, а сама пошла на кухню за ящиком с лекарствами. К счастью, мама была крайне запасливым человеком, и там было все: начиная от обычного йода и заканчивая серьезными миорелаксантами.

Вернувшись с коробкой обратно в прихожую, я почувствовала, что сердце все-таки чуть-чуть сбилось с ритма. Вишневский здесь, в моем доме. С ума сойти.

Могла ли я об этом мечтать? Могла, но только очень осторожно.

– Снимай куртку, – распорядилась я, вынимая бинты.

– Ты не в медицинский собралась поступать, случайно? – спросил он, не без труда снимая верхнюю одежду. Казалось, что каждое движение приносило ему ощутимую боль.

– Случайно нет. Я хочу стать психологом.

– Вот как? Любишь копаться в чужих мозгах, значит? – он снял все-таки свою кожаную косуху, и мне стало нехорошо: на груди из-под выреза черной рубашки тоже виднелись пятна уже подсохшей крови.

– Рубашку тоже снимай, – нахмурилась я, стараясь не думать о том, что увижу. – Только аккуратно, без резких движений.

– Вот так сразу "раздевайся"? Весну-ушка, а ты, оказывается, та ещё шкатулочка с сюрпризом.

Я пропустила неуместную шутку мимо ушей, наблюдая краем глаза, как он расстегнул неверными пальцами мелкие пуговицы на рубашке, как стянул ее с себя, небрежно швырнув на подлокотник.

Сердце заколотилось еще быстрее. Я взяла в руки вату и, едва не выронив флакон, щедро полила перекисью диск. Приложила к ссадине на его груди. К счастью, там оказалось совсем небольшое и явно неопасное рассечение.

Он неотрывно наблюдал за моим лицом и молчал, чем смущал еще больше.

– И как же это произошло? – спросила я, чтобы хоть чем-то занять неловкую паузу. – Ты превысил скорость или тебя кто-то "догнал"?

– Тебе говорили, что ты очень милая, когда смущаешься? – проигнорировал он мой вопрос, задав провокационный свой.

– Не говорили... Не думаю, что это так.

– А это так.

Поднял руку и, как и в прошлый раз, взял прядку моих волос, потер между пальцами.

Я ощутила, как сильно покраснела, а он только улыбнулся, пробежав расфокусированным взглядом по моим губам.

Если он прямо сейчас не прекратит так делать, я... А что я? Поцелую его первая? Как раз этого я больше всего и боялась – что все мои чувства к нему как на ладони.

– Так все-таки как? Я про аварию. Тебе очень повезло, ведь все могло закончиться гораздо хуже...

Но он явно меня не слушал: по-прежнему не отрывая от меня взгляда, забрал из моих рук вату, швырнув куда-то себе за спину. А потом потянул на себя за подол пижамной футболки, вынуждая опуститься к нему на колени.

– И ноги у тебя красивые, – провел рукой по оголившемуся бедру, вызывая тем самым табун сбесившихся мурашек. – И волосы... – скользнув ладонью по спине, запустил пятерню в мою спутанную после подушки шевелюру.

Это запрещенный прием, и он прекрасно об этом знает! Говорить комплименты девушке, которая никогда ничего подобного не слышала, еще и от парня, в которого влюблена вот уже пять лет...

Бешеное биение сердца заглушало голос разума, перед глазами были только его глаза и такие манящие губы...

– Артур, я...

– Иди сюда, – надавил ладонью на мой затылок, вынуждая приблизиться к его лицу, и поцеловал.

Мир поплыл и закачался, я не могла поверить во все происходящее. Это был мой первый настоящий поцелуй. Первый поцелуй с тем, кого я так отчаянно любила. Я была счастлива, но где-то в самой глубине души понимала, что это не он целует меня. Вернее, он, конечно, Артур Вишневский, но делает он это не потому, что тоже влюблен, а просто потому, что сподвиг его к этому примитивный мужской инстинкт, только и всего...

– Артур... у тебя там рана, – не открывая глаз, я все-таки попыталась вернуться с небес на землю. – Кто знает, насколько серьезная, тебе может стать плохо...

– Мне очень хорошо, – растягивая слова, произнес он. – Даже не представляешь, насколько.

И потянул подол моей футболки вверх, избавляя от мешающего элемента одежды...

Часть 12

– Аглая, ты дома?

Мама? Это мамин голос!

Я резко распахнула глаза и с колотящимся сердцем натянула одеяло до самого подбородка.

Мама дома, а здесь Артур! Спит со мной в одной постели!

Или... мне все это просто приснилось?

Я посмотрела вправо, рядом никого не было. Но он спал здесь! И не во сне, а по-настоящему! Не сошла же я с ума!

– Аглая! – мама толкнула мою дверь: взъерошенная и бледная. – Что случилось? Ты поранилась? Там, в прихожей, открытая аптечка и испачканные кровью бинты!

– Успокойся, ладно? Со мной все хорошо, – я села, не отпуская одеяла.

– Но те бинты...

– Это не мои.

– Не твои?.. А чьи?

– Артура.

– Артура? – она зачем-то обернулась назад, в сторону прихожей, потом снова посмотрела на меня. – Я не совсем поняла...

– Он просто подрался с кем-то, я увидела с

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.